

УЖАСЫ / МИСТИКА / ФЭНТЕЗИ

МЕДИА
КНИГА

ЕКАТЕРИНА БОРОВИКОВА

ВЫРАМ

Вырай

Екатерина Боровикова

Вырай. Книга 1

«МедиаКнига»

2020

Боровикова Е.

Вырай. Книга 1 / Е. Боровикова — «МедиаКнига»,
2020 — (Вырай)

Наши предки знали, что души умерших людей отправляются в загадочное, сокрытое место под названием Вырай. Сейчас оно считается вымыслом, ведь колдовство, нечистая сила и чудеса не существуют. Ритуал, который начался много тысячелетий назад, а закончился лишь в середине двадцатого века, разделил потусторонний и человеческий миры. Магическая сила стала недоступной, новогодние желания больше не исполняются, а о лесах не заботятся лешие. Некоторые сверхъестественные создания всё ещё пытаются жить среди людей, но их время подходит к концу. Всё меняется, когда жители современной белорусской деревни убивают упыря. Теперь у Вырая есть шанс на возрождение.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	47
Глава 13	50
Глава 14	54
Глава 15	58
Глава 16	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Екатерина Боровикова

Вырай

Часть 1

Глава 1

Телевизор выключили ровно в полночь. Марина тихонько встала с кровати, подошла к двери и прислушалась. На кухне шумела вода – скорее всего, мама споласкивала пивные кружки. Девушка села на пол и приготовилась ждать.

С улицы потянуло табаком – отец вышел на крыльцо, чтобы выкурить последнюю на сегодня сигарету.

Года два назад Сычковы завели ритуал, который дочери совсем не нравился. Каждую субботу Оксана и Виктор усаживались перед телевизором и смотрели какой-нибудь фильм, сопровождая киносеанс пивом и солёным арахисом. По сравнению с другими взрослыми они были практически трезвенниками, но дочь переживала, периодически возмущалась и цитировала медицинские статьи из интернета.

Сегодня традиция была на руку – после пива родители спали крепко.

Братишка что-то пробормотал во сне, пошевелился и замер. В зале скрипнул раскладываемый диван.

Через какое-то время Марина разозлилась – вместо того, чтобы мирно заснуть, родители вполголоса разговаривали.

«И чего им не спится! О чём можно столько болтать?»

Но к половине первого в доме, наконец, воцарилась тишина. Подождав для верности ещё немного, девушка натянула тёплый свитер и выскользнула в окно.

Ещё до заката Марина спрятала среди грядок старый рюкзак. Забрав его, школьница перемахнула через забор и попала прямо в объятия Славки – высокого, широкоплечего, но юношески худосочного парня.

– Привет, Че Гевара! – Кто такой Че Гевара, Коваль знал весьма смутно, но чувствовал, что такая личность сегодня ночью их бы поддержала.

– Тьфу ты, напугал.

– Готова?

Сычкова уверенно кивнула.

– А это что? На дискотеку собралась? – Славка дёрнул родственницу за светлые распущенные волосы. – Не боишься, что зацепишься за что-нибудь и вырвешь половину косы?

– Заботливый какой, – пробурчала девушка, но всё же достала из кармана резинку и наскоро завязала на затылке хвост.

Парень подмигнул:

– А то ж. Мне тебя ещё замуж отдавать. А лысую кто возьмёт?

Сычкова на шутку никак не отреагировала, а развернулась и пошла вниз по улице. Слава двинулся за ней.

Когда проходили вдоль забора Антонины Николаевны, взбаламутили Тусю, мелкую собачонку. Та громыхнула тяжёлой, не соответствующей Туськиному размеру цепью и истерически залаяла. В ответ завыла и загавкала почти вся деревня. Ребята ускорили шаг – не хватало, чтобы кто-то из односельчан решил проверить, что за переполох устроили собаки. Но на окраине рывкнул басом какой-то злобный пёс, и лохматая сигнализация разом заткнулась.

– Как я понимаю, Артём решил проблему с машиной?

– Мы бы маякнули, если б не получилось.

– Славк, а он точно водить умеет?

Слава даже остановился, услышав такой глупый вопрос.

– Да ты что, Маруся! Артёмыча батя с десяти лет за руль пускает! – Славка шептал, но эмоции прорывались наружу, поэтому получалось достаточно громко. – Всё лето, как его батя заснёт, мы машину выкатывали и по округе гоняли!

– Тихо, кто-то идёт! – Марина дёрнула парня за рукав, и Коваль понятиливо присел за уличным колодцем. Девушка спряталась рядом.

Местные мужики шумно протопали мимо и завернули во двор к Николаевне. Затявкала Туся, но лай быстро сменился на скулёж. Кто-то засмеялся. Раздался гневный голос старухи, мужчины что-то забубнили виноватыми голосами. Собака успокоилась. Дальше разговор шёл в нейтральных тонах.

– Давай в темпе, а то скоро назад пойдут. – Коваль, пригнувшись и стараясь не попасть в круг света от фонаря, двинулся вдоль забора.

– А что они у Николаевны забыли посреди ночи? Может, грабить пришли? Может, участковому позвонить?

Слава хрюкнул:

– Маруся, я тебе поражаюсь. Ты хоть иногда замечаешь, что вокруг творится?

– Я что-то не то сказала?

– Все знают, что Николаевна самогоном торгует. Только пингвин на Севере да Марина Сычкова ничё не знает. – Славик развеселился. – А участковый бывший, которого в прошлом году молодым заменили, сам к ней иногда захаживал, за первачом.

– Да ты что?! – Девушка была поражена. Она и подумать не могла, что Антонина Николаевна, одинокая, молчаливая старуха, нарушает закон. Да ещё вот так, не скрываясь.

– Ещё говорят, что старушка ведьма. Девки к ней гадать бегают.

Марина фыркнула. Как раз об этом она слышала, но посмеивалась над односельчанками, которые верили в подобную чепуху. Сама Сычкова была закоренелой атеисткой.

Разговор зачах – ребята подходили к окраине деревни. Там, на обочине, под высоким дубом, стояла синяя «копейка», в которой поджидали остальные ученики одиннадцатого класса.

* * *

В Красносельской школе училось восемьдесят пять детей. Причём в одиннадцатом классе всего четверо – так повелось, что большинство, получив базовое образование, отправлялось в колледжи.

За рулём сидел Артём Семашко – гордость и надежда всей школы, победитель областных олимпиад, красавец, призёр районной спартакиады. Мать его умерла несколько лет назад, отец единственного сына очень любил. Старший Семашко работал в городе, по сельским меркам семейство финансовых проблем не имело, поэтому Артём мог позволить себе занятия с репетиторами. Впрочем, Марина тоже могла потратиться на дополнительное обучение, но считала, что к ВУЗу при должном усердии можно подготовиться самостоятельно.

На переднем пассажирском сиденье Ира Марушкина, дитя сельских маргиналов, лениво потягивала пиво. Она старалась делать это томно и сексуально, но с пластиковой бутылкой такие номера не проходят, и получалось донельзя нелепо. На взгляд Марины, у Ирки вообще были достаточно глупые понятия о красоте, морали и развлечениях, поэтому девушки практически не общались вне школы.

– Почему так долго, м-м-м? А то мы с Артёмушкой уже заждались совсем. – Марушкина тянула слова, и стало ясно, что бутылка не первая. – Ещё немного, и я стала бы приставать к нашему водителю.

Ира скособочилась и попыталась погладить Семашко по щеке ногой. Едва туфля оказалась возле носа, Артём недовольно отстранился, открыл дверь и вышел из машины. Ира засмеялась низким, грудным голосом и, не замечая кислые мины одноклассников, опять приложилась к бутылке.

– Марушкина! Ты зачем наклюкалась? – Славка выхватил у Иры пиво и швырнул его под дуб.

Ира испуганно скукожилась в кресле.

– Куда ты в таком виде, а? Хочешь всё дело испортить? – Коваль всё сильнее распалялся. – А ты-то куда смотрел?!

– А что я? – Артём покрутил пальцем у виска. – Она молча на сиденье плюхнулась, головой кивнула, я и поехал! Окна открыты, перегар не сразу почуял.

– Всё. Капец планам. Расползаемся. – Славка сплюнул, развернулся и пошёл в деревню.

– Подожди! – Марина не собиралась отказываться от задуманного. – Она не помешает.

Слабо сопротивляющуюся Иру пересадили на заднее сиденье. Пьянчужка уже спустя минуту спала, воспользовавшись плечом Сычковой, как подушкой.

Глава 2

Ехать предстояло недалеко. Красноселье находилось в пяти километрах от Яблоневки – деревушки, в которой жили Марина и Вячеслав. Но школьники не рискнули выезжать на шоссе – прав всё-таки у водителя не было, поэтому было решено сделать небольшой круг по просёлочным дорогам, добавив пару километров. Сычкову снова одолели сомнения – а правильно ли они делают? Ведь если их вычислят, исключение из школы грозит всем. Ну, кроме Марушкиной – она-то спокойно всё проспит.

Машину тряхнуло на колдобине. Марина крепче обхватила рюкзак и отогнала трусливые мысли. Нагадить Крокодиловне было просто необходимо.

В Красносельской школе ещё весной был совсем другой директор, женщина пенсионного возраста. Ольга Васильевна знала всех учеников поимённо, знала, кто в какой семье живёт, какие проблемы у детей, какие мечты, планы и возможности. Она работала в школе почти сорок лет, нынешние ученики – дети сидевших за партами десять, двадцать лет назад. По школьной привычке, встречая Ольгу Васильевну в деревне, большинство жителей вытягивалось в струнку. А она никогда не отказывала в помощи никому – ни теперешним ученикам, ни бывшим. При этом была строгим и принципиальным человеком. Но весной возраст дал о себе знать, и Ольга Васильевна окончательно ушла на покой.

Теперь в школе не было директора. Была исполняющая обязанности.

До этого Инесса Геннадьевна работала в областном отделе образования. С детьми не имела дел никогда. Она приезжала в школу на новенькой «Тойоте», ухоженная, в дорогом костюме, и ни с кем не здоровалась. В первый же день был созван педсовет, на котором новая начальница длинно и пространно объясняла учителям, что их работа в первую очередь заключается в идеологическом воспитании учащихся, в формировании правильного отношения к труду. И в контроле семей – ведь нынешние родители не способны самостоятельно воспитывать детей.

Учитель физкультуры не выдержал и шёпотом спросил у учительницы физики:

– О чём она? Что-то я совсем запутался.

– О чём, о чём. О том, что спокойно работать нам больше не дадут.

И она оказалась права.

Второго сентября Инесса Геннадьевна созвала родителей. И снова говорила много и витиевато. Жители окрестных деревень вышли из актового зала в полной уверенности, что их дети сплошь уголовники.

Ученикам тоже досталось. Старшеклассникам отныне было запрещено носить брюки, пользоваться косметикой и парфюмом. А парням пришлось забыть о кроссовках.

Кстати, о парфюме. Сама Инесса Геннадьевна активно пользовалась духами с тяжёлым, резким ароматом. И совершенно не знала меры. Иногда казалось, что перед каждым выходом из кабинета она выливает на себя два или три флакончика.

Окончательно стало понятно, что за «подарок» приобрела Красносельская школа, когда и.о. директора, которую за глаза прозвали Крокодиловной, на перемене довела до слёз первоклашку. Девочке вменялось в вину отсутствие сменной обуви. Все знали, что родители малышки лишены родительских прав, что ребёнка воспитывает старенькая прабабушка, чьей пенсии едва хватает на еду. Но Инессе Геннадьевне было плевать на причины.

Марина вечером рассказала родителям об этой истории. Мама очень расстроилась, а отец промолчал. Но после ужина залез на чердак и вытащил два мешка старых Маринкиных вещей. И под молчаливое одобрение жены вынес всё это из дома.

Оказалось, не только Сычковы прониклись ситуацией. Сироте вся деревня два дня несла обувь и одежду, заботливо спрятанные «на чёрный день». Марина тогда поняла, что просто

обязана что-то сделать. Но одной было не справиться, и она предложила авантюру одноклассникам.

Марина изложила план Ковалю. Тот оказался в восторге и согласился сразу. Артема удалось уговорить с трудом – он совершенно не горел желанием наживать себе врага в лице директора, хоть и временного. Правда, под натиском Славки отличник сдался.

Марушкину «в дело» никто брать не собирался. Но она случайно услышала разговор Артёма и Вячеслава, поэтому пришлось. Девушке было плевать на идеологическую причину. Главное, Коваль и Семашко участвовали, и это был отличный способ наконец-то произвести впечатление на парней.

Подготовка шла несколько дней. Марина таскала из мышеловок серые тушки и прятала в подполье. Несколько раз отобрала добычу у кота – он любил приносить грызунов на крыльцо, чтобы похвастаться. Славка разжился дубликатами ключей от чёрного входа и директорского кабинета – школьный завхоз был его соседом, поэтому стащить оригиналы, сгонять в город в мастерскую и вернуть на ключики на место было делом техники. А Артём взял на себя транспорт. Оставалось найти подходящий момент для проникновения.

В этом школьникам помогла сама Инесса Геннадьевна. Ещё первого сентября она уволила сторожа, мотивировав своё решение его преклонным возрастом и неспособностью противостать потенциальным злоумышленникам. А поскольку зарплата ночного охранника была даже меньше, чем у дневной вахтёрши, место вот уже две недели оставалось свободным. Так что ночью в школе присутствовали только морские свинки из живого уголка.

* * *

Ребята решили не усложнять и просто заперли Марушкину в машине, которую загнали в кукурузу – колхозное поле начиналось прямо за школьным забором. Когда Марина вышла из «жигулёнка», одноклассница свернулась калачиком на заднем сиденье и по-детски зачмокала губами.

– А если она проснётся и поднимет шум? – Заволновался Артём.

– Артёмыч, ты что, забыл, в каком она состоянии? Даже если в машину сядут семь гномов и хором песни распевать начнут, Ирка продолжит дрыхнуть!

– Давайте в темпе, а то до рассвета ничего не успеем. – Марина быстро, но осторожно двинулась в сторону школы.

А вот мальчишки совершенно не думали о конспирации и поспешили вперёд, ломая стебли. Фраза «как лоси по кукурузе» внезапно приобрела новый, яркий смысл.

Марина догнала сообщников только у забора.

– Давай, подсажу. – Коваль присел.

Марина с помощью Артёма взобралась на подставленную спину, ухватилась за верхний край ограждения и выпрямилась.

– Давай быстреей! – Застонал Славка. – Маня, тебе не говорили, что попастые девушки уже не в моде? Ты мне спину сломаешь!

Марина не обиделась, но всё же мстительно потопталась по Ковалю ещё несколько секунд, чтобы не хамил, перекинула ногу через забор и огляделась. Вокруг было тихо. Перекинула вторую ногу и спрыгнула.

Пару мгновений спустя рядом оказались и парни. Оставалось всего ничего – проникнуть в школу, пройти по тёмным коридорам, подняться на второй этаж и вскрыть дверь директорского кабинета.

* * *

Кабинет встретил школьников равнодушным молчанием. Ремонт здесь не делался с восьмидесятых годов прошлого века. Поэтому громоздкий шкаф для документов, дверь, обитая дерматином, и огромный письменный стол вписывались в интерьер прекрасно. А вот современный компьютер выглядел нелепо. В комнате стоял тяжёлый запах духов.

– Так, Тёма, держи мышей, я не могу эту гадость ни видеть, ни нюхать. – Марина, не мешкая, стала раздавать указания. – Славик, на тебе яйца – смотри, не разбей!

– Ты дырки проколола, в яйцах-то? – Коваль деловито принял лоток.

– Конечно. А я займусь супчиком. Ух, как же это всё будет вонять после выходных! – Марина даже зажмурилась, представляя, как Крокодиловна носится по кабинету, ища источник неприятного запаха.

В полной тишине, подсвечивая фонариками, ребята делали своё дело. Сычкова набирала в шприц мясной бульон из литровой банки и методично обкалывала этой жидкостью обивку двери. Артём стоял на коленях перед шкафом и, стараясь не дышать, раскладывал трупки мышей среди документов.

Самая лёгкая работа досталась Вячеславу – он опустил одно яйцо в высокую вазу с искусственными цветами, второе положил в школьный призовой кубок, а третье засунул в нижний ящик стола. И решил скрасить ожидание, пошарив по помещению – когда ещё представится такая возможность.

– Славк, не разбей ничего, не забудь, нас здесь не было. – Голос Артёма прозвучал глухо.

– Не бойсь, всё путём. – Слава засунул нос в шкаф возле двери. – Опаньки, смотрите, чего откопал!

Последняя фраза прозвучала неожиданно громко, и Марина возмущённо шикнула.

– Ладно, ладно, чего ты, не подумал я, сори.

Его находка действительно была необычной – на дне шкафа лежал кот с разорванным горлом.

– Это что? – Артём, как увидел, даже сделал шаг назад.

Сычкова присела на корточки, чтобы лучше рассмотреть находку. Слава больше не шутил. Он молча светил фонариком на высохшее, словно мумифицированное тело животного.

– Народ, а ведь это Фаня. – Марина показала на белые лапы.

Характерная расцветка не оставляла сомнений. Последние три года Фаня мирно обитал в школе, ловил мышей, нежничал с младшеклассниками и кормился в столовой. Перед санитарными проверками выгонялся из здания во двор. А два дня назад пропал. Малышня очень переживала, на переменках бегала по округе с колбасой, но кот так и не нашёлся. И вот сейчас он лежал на дне шкафа в директорском кабинете.

– Надо его забрать и закопать. – Слава задумчиво почесал кончик носа.

– Ты что, забыл? Нас здесь не было! – Отрезала Марина.

– Зачем ей труп животного?

– Не знаю. Может, она таксидермист. Тайный. – Девушка подхватила рюкзак и вышла из кабинета. Одноклассники поспешили за ней, закрыв дверь на ключ.

Уходили со школы в полном молчании. То, что начиналось, как революционная забава, закончилось достаточно неприятно.

Глава 3

Фаня прыгнул Марине на грудь и замурлыкал.

– Уйди, гадёныш, дай поспать! – Девушка спихнула кота и перевернулась на бок.

Кот помурчал ещё немного, свернулся клубочком и лёг рядом. Марина было задремала, но Фаня вскочил, зашипел и выгнулся дугой. Из темноты появилась рука и схватила животное за загривок. Сычкова вжалась в кровать, с ужасом наблюдая, как Крокодиловна прокусывает шею Фани и с причмокиванием пьёт кровь. Спустя несколько секунд кот прекратил сопротивляться и вяло обвис в руках директрисы. Не отрывая губ от Фани, красными глазами Инесса Геннадьевна уставилась на школьницу. Марина заорала и проснулась. Несколько секунд непонимающе таращилась на стену, а потом облегчённо вздохнула. Просто кошмар. Ничего необычного, если учесть, чем она занималась ночью.

Занавески оказались распахнуты, ласковое сентябрьское солнышко робко заглядывало в комнату. Рядом, за компьютером, в наушниках, сидел младший брат и активно высаживал растения. Судя по количеству зомби на экране, Глеб оборонялся уже давно. Марина протянула руку и схватила братишку за голую ногу. Тот даже бровью не повёл и продолжил сражаться с монстрами.

– Доброе утро. А мама с папой уехали на рынок. А мне сказали разбудить тебя в десять, потому что надо обед приготовить и пропылесосить. – Из-за наушников Глеб говорил громко.

– А сейчас сколько? – Марине было лень вылезать из кровати, чтобы посмотреть на часы.

– Двенадцать.

– Чего-чего? Глеб, ты обалдел? Почему не разбудил? – Девушка вскочила и заметалась по комнате, пытаясь одновременно застелить кровать, стянуть ночную сорочку и расчесаться.

– А я будил. А ты сказала неприличное слово, пихнула меня ногой и отвернулась к стенке.

Марина на секунду остановилась и выдернула шнур из розетки. Компьютер выключился, вызвав полный ненависти и боли вопль.

– Так, не ори, а беги пылесосить. Я зубы почищу и макароны сварю.

– А мама не мне говорила пылесосить. А я маленький ещё для тяжёлой работы! – Глеб потянулся за штекером. Старшая сестра шлёпнула его по рукам.

– Мама не говорила, а я скажу. Ты восьмилетний мужчина, вполне можешь справиться. – Марина села на кровать и умоляюще посмотрела на брата. – Глебушка, помоги! Я же не успею. Домашку три дня за тебя делать буду.

– Пять. Пять дней! – Завопил Глеб и выскочил из комнаты.

Родители приехали как раз в тот момент, когда в макароны шлёпнулся кусок масла, а Глеб поставил пылесос на место. Марина выложила на сковородку котлеты из холодильника – разогреть.

– Сегодня надо укроп срезать и заморозить. – Мама даже за обедом не могла забыть о хозяйстве. – Марин, тебе много уроков на понедельник задали?

– Как обычно.

– Тогда давайте после обеда сразу на огород.

– Дрова ещё надо под навес сложить, дожди обещали. – Виктор попробовал макароны и поморщился: – Доча, от тебя любой мужик сбежит, если будешь так еду пересаливать.

* * *

Весь день прошёл в хозяйственных заботах, вечером Марина делала уроки, не только свои, но и для брата, и поэтому не думала о странной находке в директорском кабинете. А вот перед сном мысли вернулись, обосновались в голове и бесцеремонно стали в ней хозяйничать.

«Зачем Крокодиловне хранить мёртвого Фаню? И почему он как будто сушёный? Нет, это неправильный вопрос. Главное – почему в шкафу? Нет, не так. Как в кабинете директора оказалась несчастная зверушка? Может, там какое-то место особенное, и он просто пришёл туда умереть, а директриса не в курсе? Бред. Как она может быть не в курсе! Он же лежит прямо в шкафу, в который Крокодиловна, небось, по тридцать три раза в день заглядывает. В курсе она. Точно. И возвращаемся к первому вопросу – зачем Крокодиловне хранить труп животного?»

Марина и так, и этак крутила в голове информацию. Засыпая, девушка продолжала думать о странной находке. И о кошмаре, который приснился прошлой ночью. Мысли получили продолжение во сне – коты и собаки стучались в кабинет, заходили и робко спрашивали: «Можно залезть в ваш шкаф? Он такой уютный, такой удобный. Лучшего места, чтобы окочуриться, не найти». Геннадьевна улыбалась гнилыми, чёрными губами и вежливо кивала, и красными глазами нежно смотрела на животных. Те по очереди заходили в шкаф, раздирали передними лапками собственные шеи, складывались в кучку и умирали.

* * *

Понедельник начался, как обычно. Как обычно, это значит, что мама ворвалась в детскую комнату с дикими воплями «вставайте, мы проспали!», раздёрнула шторы и унеслась на кухню.

В школе после первого урока кормили завтраком. Хоть и не очень вкусно, но бесплатно. Как минимум, половине учеников нравилась эта традиция – у кого-то родители уходили слишком рано на работу, а у кого-то пили по-чёрному, и по утрам в доме пахло чем угодно, только не едой.

Но у Сычковых мама успевала за пятнадцать минут, пока дети чистили зубы и умывались, приготовить сырники или горячие бутерброды. Или блинчики. Поэтому Марина и Глеб презрительно отказывались от походов в школьную столовую.

Сегодня на завтрак был омлет с сыром. Марина торопливо проглотила свою порцию, схватила в охапку брата и выскочила из дома. Не терпелось обсудить субботнее приключение с парнями. К тому же хотелось увидеть глаза Крокодиловны – равнодушные, холодные, но человеческие. А не красные, как снилось две ночи подряд.

Славка уже топтался на остановке, к которой должен был подъехать школьный автобус. Кроме него, здесь были остальные ученики Красносельской школы, жившие в Яблоневке. Все пятеро. Поэтому Коваль молча кивнул однокласснице и отвернулся. При таком количестве чужих ушей не будешь обсуждать ночные приключения.

Подъехал старенький, но всё ещё бодрый ПАЗик оранжевой расцветки, заглотнул в себя детей и поехал по маршруту дальше. Ещё две деревни, а затем – Красноселье.

Село было большим – в нём располагались сельсовет, школа, детский сад, два частных магазина и сельпо, почта, библиотека, фельдшерско-акушерский пункт, клуб и махонькое кафе. Из окрестных деревень в школу и садик приезжали двадцать человек. Все остальные дети были Красносельскими, Артём и Ира в их числе.

– За Орду! – Глеб, распахивая пассажиров, выскочил из автобуса и полетел к группе сверстников, носившихся по школьному двору. Не притормаживая, кому-то треснул по голове рюкзаком, от кого-то получил тумака, и дети превратились в дерущуюся кучу-малу.

– Прикольный пацан растёт. – Славка, как и положено почти совершеннолетнему человеку, неспешно вылез из ПАЗика и подал руку Марине.

Девушка глянула на окна директорского кабинета и вдруг увидела, как шевельнулась занавеска. Ноги стали ватными.

– Маруся, пойдём. Мне тоже стрёмно, но что поделать. – Коваль был непривычно серьёзен.

До начала первого урока оставалось ещё минут десять. Марушкина надулась, обидевшись на одноклассников за то, что приключение прошло без неё, а когда Коваль в непечатных выражениях объяснил, что винить она может только себя и пиво, демонстративно вышла из кабинета. Остальным это было только на руку.

– Короче, я тут думал все выходные. И понял – директриса ведьма! – Славка даже стукнул кулаком по парте, придавая весомость версии.

Марина сверхъестественную чепуху отмела сразу:

– Не многовато ли ведьм на округу? Ты мне как раз в субботу доказывал, что Николаевна тоже из них.

– Согласен с Сычковой. Здесь что-то другое.

Славка чуть не лопнул от возмущения:

– Артёмыч, да что ещё может быть?

– Может, она психически больная. Коллекционирует трупы животных, обкалывает их формальдегидом, чтобы не воняли, и по вечерам играет с ними в дочки-матери.

– Формалином.

– Чего?

– Формальдегид – газ, формалин – жидкость на его основе. Ты перепутал. – Вздохнула Марина.

– Да какая разница!

– Никакой, – пожалала плечами девушка, – только твоя версия такая же глупая, как и Славкина. Подумай сам – кто бы психически больную взял на работу, в отдел образования, а потом ещё поставил на руководящую должность? В школу, к детям?

– Я тебя умоляю, Маруся! – Вячеслав больше не заикался о ведьмах, а ухватился за мысль Артёма. – Ты вспомни, как два года назад в Потаповке мужик жену топором зарубил. Сорок лет жил себе нормальный, никто даже подумать на него не мог ничего плохого, а потом бац – и срубил детишкам ёлочку на Новый Год.

– Так Петрович и был нормальный, а потом мозги совсем пропил, поймал белочку, и куку! – Марина продолжала упорствовать. – Вы сами подумайте. Крокодиловна гадина, конечно, но это просто мерзкий характер, а не болезнь.

– Тогда что это всё, по-твоему, значит? – Артём с любопытством уставился на Сычкову. Та ничего не успела ответить – в кабинет влетела запыхавшаяся Ирка:

– Не знаю, что вы в субботу намудрили, но Крокодиловна носится по кабинетам!

– Унюхала. – Расплылся в улыбке Коваль.

– Чего лыбишься? А если она нас, то есть вас, вычислит? – У Иры от страха дрожал голос.

– Никогда. Мы, профессионалы, следов не оставляем. Как она узнает, кто именно яички подкинул?

Продолжить разговор не получилось.

– Доброе утро. – Вместе со звонком в класс вошла учительница математики.

Ребята расселись за парты. Через десять минут появилась Инесса Геннадьевна.

– Выйдите, пожалуйста, за дверь, Елизавета э-э-э... Неважно. Мне надо поговорить с детьми наедине.

Учительница пожалала плечами и вышла. Марина вдруг поняла, что это конец. И что каким-то непонятным образом Крокодиловна узнала, кто именно хозяйничал в её кабинете.

Директриса шумно втянула носом воздух, жутко улыбнулась, и заявила:

– Итак, личинки, сейчас, по очереди, заходите ко мне.

– А зачем? – В отличие от Марины, Коваль пока не понимал масштабы катастрофы.

– Будем обсуждать права и обязанности учащихся, – ледяным голосом отчеканила и.о. директора, развернулась и вышла.

Сычкова схватилась за голову:

– Всё, приехали. Но как она поняла?

– Разберёмся. Главное, не забудьте включить дурку – ничего не знаем, ничего плохого не делали, в кабинете не были, любим, уважаем, обожаем. Доказательств у неё нет никаких, это стопро. – Слава поднялся, одёрнул пиджак и чётким шагом направился на допрос.

Урок продолжился. Преподаватель вернулась, посетовала, что один из учеников будет отсутствовать на объяснении новой темы, но расспрашивать ни о чём не стала. Даже когда вернулся Коваль, бледный, но счастливый, ничего не стала выяснять.

А Марина заёрзала на стуле, пытаясь перехватить взгляд одноклассника, и у неё получилось. Славка подмигнул и показал под столом большой палец. Почему-то это взволновало Марину ещё больше. К тому же следующей к директору ушла Ира, слабое звено.

– На следующей неделе будет контрольная по этой теме, отнеситесь серьёзно. Особенно ты, Коваль! – Прозвенел звонок, и учительница кричала последние напутствия уже вдогонку.

Никто её не слушал – Марина и Артём взяли в клещи Славку и заставили по дороге в кабинет биологии рассказать, что было. Тот попытался было заикнуться о завтраке, но решил, что сейчас не до еды.

– Да так ничё и не понял. Она сказала, что наш класс был в кабинете ночью с субботы на воскресенье. Только не спрашивала про яйца, про мышей. И не пахнет, кстати, в комнате, ничем, кроме этих вонючих духов.

– Если запаха нет, с чего её колбасит? – Семашко открыл дверь и пропустил вперёд Сычкову. Потом швырнул рюкзак на парту.

– Да фигня какая-то. – Славка пожал плечами. – Говорит, я знаю, что вы здесь были. Хочу знать, зачем.

– А ты?

– А чё я? Не были мы у вас, Инесса Геннадьевна, как могли только такое подумать! – Славка расплылся в улыбке. – Она пошипела, пошипела и отпустила.

– Ты молодец, конечно, но вот Ирка... – Артём озабоченно покачал головой.

Глава 4

Семашко оказался прав. Зарёванная Ира вернулась перед самым звонком, выкрикнула, что Артёма ждёт директор, села за парту и разрыдалась.

Всё сразу стало понятно. Стараясь не сорваться, Марина стала расспрашивать одноклассницу.

Оказалось, Крокодиловна сначала набросилась на Марушкину с обвинениями и обещаниями всех возможных кар. Но потом повела носом и безапелляционно заявила, что девчонки в кабинете не было.

Ира решила было, что буря её не коснётся, но от удушающего аромата духов внезапно закружилась голова.

– И я всё рассказала.

– Зачем?! – Поразился Коваль.

– Я не знаю! – Ещё сильнее заплакала Ирка. – Я не хотела! Оно само из меня выскакивало, не могла остановиться! Мальчики, Марина, простите, не знаю, как так получилось!

– А потом что?

Ира посмотрела на Артёма:

– Ничего. Крокодиловна сказала, что я свободна, и позвала тебя.

– Спокойствие, только спокойствие. Что ты могла рассказать вообще? Ты ж спала всё время.

– Я рассказала про план, про то, как заснула в машине, и что проснулась уже тогда, когда вы меня домой привезли. – Шмыгнула носом и продолжила уже веселее: – А ведь и правда, ничего такого не говорила. Мало ли, что мы планировали. А были вы в школе или нет – я не в курсе.

– Точно. Так что не реви. – Артём трусил, но не подавал вида. – У неё ничего на нас нет. И я ничего не скажу. Пожелайте ни пуха.

Семашко на выходе из класса столкнулся с биологом, Максимом Андреевичем.

– Ты куда? Звонок сейчас прозвонит.

– К директору вызвали. Я скоро вернусь. – Семашко сверху вниз посмотрел на учителя.

Максим Андреевич Бондаренко был ниже Семашко на голову и поуже в плечах. Да и в возрасте разница не сразу замечалась – преподаватель получил диплом всего год назад, после чего и оказался по распределению в Красноселье.

Сначала Бондаренко всячески сопротивлялся, искал способы остаться в столице или хотя бы попасть в один из областных городов. Ничего не вышло. Поэтому новоиспечённый учитель обречённо отправился в деревню, надеясь после двух лет обязательной отработки уволиться и найти более подходящее место.

Но через год подобные мысли стали посещать всё реже.

Поначалу, конечно, было тяжело. Жильё выделили жуткое – пустующий много лет дом с протекающей крышей и разрушенной печкой. Бондаренко попытался возмутиться, но ничего не вышло. Учитель в сердцах отказался от хатки и снял квартиру в областном центре. Уже через месяц пожалел – вся первая зарплата ушла на оплату жилья и транспорта. Но вскоре прямо на деревенской улице подошла старушка и предложила снять у неё комнату. Бабуля жила одна, и ей нужен был «мужик в доме» – поправить покосившийся забор, забить в стену гвоздь или принести воды из колодца. И запросила чисто символическую сумму. Через три месяца она стала звать Максима «внучек» и перестала брать плату вовсе.

Так они и жили – Семёновна убирала, готовила, а Максим взял на себя мужскую работу по дому. И иногда по вечерам вёл неспешные разговоры с бабулей – это и было для одинокой женщины главной платой за постой. В остальное время Семёновна не навязывалась, в комнату

без разрешения не заходила, и Бондаренко решил, что ему очень повезло. Два года в таких условиях можно спокойно прожить. Совсем хорошо стало, когда бабушка согласилась провести в дом интернет.

Решив проблемы с жильём, Максим Андреевич разглядел кое-какие плюсы, о которых, как городской житель, раньше даже не догадывался.

Во-первых, вскоре с ним стала здороваться вся округа. В большом городе учитель – лицо в толпе. Здесь же Бондаренко внезапно стал чем-то вроде элиты. Это льстило. Во-вторых, вести урок, когда детей в классе не больше десяти, довольно легко. В-третьих, сами дети оказались не похожи на городских сверстников – в лицо не хамили, богатством не мерялись и по мере сил учили домашние задания. В конце концов, когда шанс, что тебя вызовут, равен ста процентам, особо не расслабишься.

Имелись, конечно, ребята с наплевательским отношением к учёбе, но за год Макс научился сосуществовать и с ними. А те были благодарны молодому преподавателю за то, что тот их особо не дёргал, сидели за задними партами и не мешали работать. А часто и вовсе не приходили на занятия.

В-четвёртых, Максим полюбил выходить из дома спозаранку с небольшим рюкзаком. Остановившись, некоторое время думал – налево, к реке? Или повернуть направо и пройти метров триста до луга? А может, дойти до Потаповки и огородами добраться до леса? В городе он вряд ли смог бы часто выбираться на природу. А здесь всё было в шаговой доступности. Биология для Бондаренко была не просто профессией, но и хобби. Он даже завёл блог, рассказывавший о местной флоре и фауне. И, на радость учителю, сетевой дневник, хоть и медленно, но набирал популярность.

Семёновна весной выделила квартиранту целую сотку земли. И он с увлечением ковырялся в огороде, экспериментируя с культурными и дикими растениями.

И в-пятых, зарплата, хоть и мизерная, оказалась чуть выше, чем у однокашников, работавших в городах. Семью он бы вряд ли прокормил, но на себя, да в сумме с регулярными продуктовыми поставками от родителей вполне хватало.

Переживания по поводу досуга тоже оказались беспочвенны – маршрутное такси между городом и Красносельем курсировало регулярно. Собираясь на встречу с приятелем, учитель выходил из дома даже позже, чем живший в спальном районе города друг.

Единственное, что омрачало жизнь Бондаренко – классное руководство. Бывший директор всучила ему десятый, теперь уже одиннадцатый, класс. Два парня и две девушки. Мальчишки долго не воспринимали преподавателя всерьёз, а девчонки, особенно Марушкина, безостановочно флиртовали. Плюнув на учительский авторитет, Максим Андреевич попытался выстроить отношения с подростками в совершенно непедagogичном формате – он старший товарищ, шпион на вражеской учительской территории, они – его помощники в адаптации к сельской жизни. И внезапно это сработало. Самое главное – уважение – было достигнуто. А там, где есть уважение, есть и послушание. Марушкина, правда, кокетничать не перестала, но это были мелочи.

Прозвенел звонок.

– Что натворил? – Деловито спросил Максим Андреевич.

– Артём повёл плечом, буркнул, что он ничего плохого не делал, и ушёл.

– И вы, естественно, тоже не в курсе. Точно моя помощь не нужна?

– Не нужна, – ответила за всех Марина, – только, Максим Андреевич, когда Артём придёт, мне тоже надо будет выйти.

Бондаренко внимательно посмотрел на подростков. Бледный Коваль, Сычкова с пунцовыми ушами и Марушкина с опухшим от слёз лицом сидели, как на иголках. Да уж, явно случилось что-то серьёзное. Хотя, с другой стороны, он, как классный руководитель, должен был

узнать о проблемах подшефных учеников первым. Раз ему никто ничего не сообщил, значит, у ребят проблемы личного характера.

Но тогда при чём здесь директор?

Решив не забивать голову лишними проблемами, Максим Андреевич начал урок. А минут через пять понял, что толку от этого никакого – подростки не слушали совсем.

– Так. Может, расскажете, в чём дело?

– А скажите, вам нравится Инесса Геннадьевна? – Марушкина заговорила первой, хотя Коваль старательно на неё зашикал.

– В каком смысле? – Биолог подобного вопроса никак не ожидал.

– В прямом. Не в смысле, как женщина, а как человек. – Ирина выжидающе смотрела на учителя, не обращая внимания на угрожающие жесты Славки.

– Она мой непосредственный начальник. Я не могу обсуждать, нравится она или не нравится, – начал было Максим, потом увидел, как разочарованно вытянулось лицо ученицы, и торопливо добавил, – но скажу честно, я очень рад, что через две недели её здесь не будет.

Реакция оказалась совсем не та, на которую рассчитывал.

– Как не будет? Почему? – Ахнула Сычкова.

– Вы же знаете, Инесса Геннадьевна временно исполняла функции директора. Основной её задачей было выбрать главнокомандующего. Она всё это время присматривалась к коллективу, и теперь должна предложить в райисполком кандидатуру. Или несколько. Как мы, учителя, поняли, у неё уже есть претенденты. Правда, нам не сообщали, кто. Но через две недели директором станет кто-то из наших преподавателей.

– Катастрофа. – Марина схватила себя за пылающие уши. – Мы зря испортили кабинет!

– Да что случилось-то? Вы можете внятно объяснить? – Бондаренко разозлился. Эти тайны мадридского двора стали раздражать.

Ответить дети не успели. Вернулся Семашко. Не обращая внимания на учителя, школьники наперебой стали задавать вопросы. Артём отмалчивался, опасливо поглядывая на Максима Андреевича. А тот секунд десять просто сидел, смотрел на учеников и обалдевал от их наглости. Потом пришёл в себя и стукнул кулаком по столу:

– Так, хватит! Артём, на своё место! Марина, тебя ждёт Инесса Геннадьевна, вперёд!

Макс поднялся и свирепым взглядом обвёл класс. Подростков проняло, и они затихли. Марина, у которой в глазах плескалась паника, молча вышла из кабинета.

– А теперь я хочу услышать, в чём дело. Немедленно.

Несколько секунд оставшаяся тройка собиралась с мыслями. А потом все заговорили одновременно. После грозного окрика оратор остался один – Коваль. Периодически в повествовании проскальзывали нецензурные выражения, но Андреевич не обращал на них внимания – не до того было.

Глава 5

Аромат духов можно было бы назвать утончённым и приятным, если бы не концентрация. Марине подумалось, что после разговора она ещё долго будет выдыхать на окружающих пары директорского парфюма. Но спустя мгновение девушку перестал заботить запах – она увидела на столе блюдечко, на котором кучкой лежали полуразложившиеся мыши и три яйца.

– Ну что, дорогуша, поговорим?

– О чём? – Марина взяла себя в руки и решила держаться до последнего.

– Я знаю, что одиннадцатый класс практически в полном составе шарил в моих вещах. Твой одноклассник во всём признался, и даже указал, где вы оставили «подарочки». А ещё он сказал, кто был организатором. – Крокодиловна уставилась холодными глазами на Сычкову и выжидающе приподняла бровь.

– Не знаю, о чём вы говорите.

– Хватит! – Инесса Геннадьевна заорала так неожиданно, что школьница вздрогнула и съёжилась от испуга. Глаза директрисы полыхнули красным, совсем, как во сне, но через миг Марина поняла, что ей показалось.

– Ненавижу личинок, таких, как вы – бесполезных, но сующих везде свой нос. – Голос, казалось, проникал в самые глубины мозга. – Немедленно отвечай – где вы рыскали и что нашли?

– Мы пришли, чтобы оставить в кабинете мёртвых мышей и проколотые яйца. Кроме этого, я испортила мясным бульоном дверь. Всё для того, чтобы в вашем кабинете установился неприятный запах, потому что...

– Это я уже знаю. Наплевать. – Крокодиловна подошла вплотную к девушке, наклонилась и вкрадчиво спросила: – Итак, где вы рыскали и что искали?

Половина сознания Марины была в панике – почему, зачем я отвечаю? Нельзя говорить! А вторая часть рассказывала. Торопливо, суетно, стараясь ответить как можно более подробно и правдиво.

– Мы нашли мёртвого кота вон в том шкафу.

– И всё?

– Да.

Странное облегчение сменило гримасу ненависти.

– Собака вашего котяру загрызла, прямо на крыльце школы. Не хотела, чтобы дети увидели, вот и убрала подальше, чтобы потом выбросить.

Марина хотела спросить, зачем такие сложности, если можно было попросить уборщицу выбросить труп сразу, но решила на всякий случай промолчать.

Инесса Геннадьевна села на диванчик, стоявший у стены, забросила ногу на ногу и задумчиво посмотрела на школьницу. А та исподтишка разглядывала директрису. Выглядела Крокодиловна, конечно, шикарно. Деловой костюм василькового цвета сидел на хрупкой фигурке идеально. Длинные, стройные ножки в дорогих туфлях, элегантная стрижка – Сычкова могла бы позавидовать, если бы не личико.

Черты были правильными, утончёнными. А вот цвет кожи подкачал – скрыть неприятный красно-бурый оттенок лица не могла даже дорогая косметика. Не одну версию выдвигали в школе – от хронического алкоголизма до артериальной гипертензии, но к единому мнению так и не пришли.

– Что же мне с вами делать? Такое поведение должно иметь последствия.

– А может, не надо?

– А ты шутница! – Инесса Геннадьевна расхохоталась. – Никто, слышишь, деточка? Никто не смеет разнюхивать что-либо обо мне.

Крокодиловна легко встала, подошла, положила руки на плечи девушке, и наклонилась так близко, что сквозь аромат духов на Марину неожиданно обрушился отвратительный запах, напомнивший о дохлых мышах.

– Я информирую инспектора по делам несовершеннолетних. Сделаю всё, чтобы тебя, Семашко и Коваль исключили из школы, а алкогольчику поставлю на учёт у нарколога. Через две недели я покину эту дрянную деревушку, но ваша четвёрка будет вспоминать об Инессе Геннадьевне всю свою оставшуюся никчёмную жизнь.

Информация смешалась с мерзким запахом, с удушающим ароматом духов и с напряжением последних двух дней. Марина оказалась в предобморочном состоянии.

Но вдруг директриса замолчала, быстро втянула носом воздух и резко выдохнула через рот. Потом ещё раз, и ещё – совсем, как собака, взявшая след. Затем убрала руки, выпрямилась и подошла к окну. Сычковой стало легче, по крайней мере, упасть в обморок уже не хотелось.

Больше минуты Инесса Геннадьевна молча стояла у окна и теребила занавеску. Марина сжалась на стуле, с ужасом ожидая итога всего этого неприятного разговора.

Женщина развернулась и неожиданно улыбнулась. Искренней, приятной улыбкой.

– Что, котик, испугалась? Это называется психологическая атака. Должна же я была как-то наказать за хулиганскую выходку? – Инесса Геннадьевна не спеша подошла к дивану, села, и похлопала рукой по обивке. – Иди сюда, Мариночка, не бойся. Буря миновала.

Ошарашенная девушка села рядом. Крокодиловна, всё так же ласково улыбаясь, погладила школьницу по голове. Отстраниться Марина не решилась.

– Я ведь всё понимаю. Ваш бывший директор – замечательный человек. И тут я. Это как маму у ребёнка забрать, привести незнакомую тётю и сказать: теперь тебе нужно любить её. Правильно? – Инесса Геннадьевна была сама нежность. Марине ничего не оставалось, кроме как кивнуть.

– Может, я и перегнула палку с дисциплиной, но только ради блага учеников вашей замечательной школы. Ольга Васильевна из-за преклонного возраста не могла уследить за всем и упустила воспитательный момент. А школа должна прививать человеку уважение к порядку. Согласна?

Сычкова снова кивнула. Её вообще вдруг стало клонить в сон. А Крокодиловна продолжала журчать, как ручеёк, гладила девушку по рукам и разве что не лезла целоваться.

– Солнышко моё, я, конечно, не буду портить жизнь ни тебе, ни твоим одноклассникам. Но наказать должна. Так будет правильно, понимаешь?

– Понимаю.

– Умничка. Ирочке вашей предстоит экскурсия в наркологический диспансер, это на себя возьмёт классный руководитель. Мальчики за родительский счёт перетянут дверь, чтобы будущему директору не пришлось работать в неприятной обстановке. А для тебя, как для вдохновителя, у меня особое задание.

Инесса Геннадьевна встала, подошла к столу и достала из ящика пухлую папку документов.

– Это новые методички для педагогов. Нужно перепечатать и систематизировать. Так что жду тебя в субботу, в семь часов вечера. Будешь работать с компьютером.

– А почему в субботу и так поздно? – Язык еле слушался, губы с трудом шевелились, но директриса всё расслышала.

– Скажи, деточка, какое самое весёлое время для подростка? – Крокодиловна и не ждала ответа, поэтому сразу продолжила: – Самое весёлое время – вечер субботы. Дискотека в клубе, прогулка с каким-нибудь мальчиком – всего этого я лишая тебя на две недели. Будешь приходить сюда и работать на благо школы.

Марина не стала объяснять, что по субботам очень редко выходит из дома, большую часть времени проводя за чтением книг. Печатать на компьютере в выходной? Да запросто, только бы постанова на учёт в комнате милиции и исключение из школы не стали реальностью.

– Иди, милая, на урок. Жду тебя в субботу. – Директриса села за стол и улыбнулась. Снова показалось, что глаза полыхнули красным. Но лишь на мгновение. На ватных ногах девушка подошла к двери и практически выпала в коридор.

* * *

После рассказа классный руководитель молчал минуты три – переваривал услышанное.

Идиотская выходка характеризовала его как плохого классного руководителя. Не выявил, не уследил, не запретил... Если история получит огласку, то неприятности будут не только у этих пакостников, но и у него самого.

«Чёрт меня дёрнул подкатить к Ане на той вечеринке. Сейчас бы работал в институте плодоводства или сидел в какой-нибудь лаборатории, изучал вирусы в микроскоп. Расхлёбывай, Максим Андреевич, свои неудачные романы, вытирая носы подросткам да катаясь по родным просторам на ржавом велосипеде».

Аней звали дочь декана университета, с которой Максим сблизился на студенческой попойке. Встречались они всего месяц, а потом Бондаренко разорвал отношения – его стали угнетать избалованность и высокомерность девушки. Но Аня оказалась ранимой и мстительной. Декан напакостил обидчику дочери, как смог – за что выгнать, не нашёл при всём желании, но вот красный диплом и хорошее распределение остались в мечтах.

Очень хотелось надавать детишкам подзатыльников. Хотя Максим Андреевич с большим удовольствием сам бы поучаствовал в подобной акции протеста, потому что Инесса Геннадьевна вызывала в нём странное чувство – брезгливость, смешанную со страхом. И ведь причин никаких не было – лично с исполняющей обязанности Бондаренко не общался, конфликтов с ней не имел, да и женщина была довольно симпатичная, несмотря на агрессивное использование духов и болезненный цвет лица. Но ведь подобное говорить ученикам никак нельзя, ещё уверятся в своей правоте.

Школьники сидели тихо, словно мыши под веником. Поэтому крутить в руках ручку и думать об упущенных возможностях педагогу никто не мешал, пока в дверь не протиснулась Сычкова.

Белая, как полотно, девчонка молча добрела до своего места и рухнула за парту. Взгляд был стеклянным и бессмысленным. Потом она вздохнула, и пугающая пустота ушла из глаз.

– Маришка, ну, что? – Семашко с тревогой глядел на одноклассницу.

– Да, Сычкова, рассказывай, хочется узнать последствия вашего «преступления». – Учитель откинулся на стуле и скрестил руки на груди.

И Марина рассказала обо всём. По классу пронёсся вздох облегчения из-за того, что никаких глобальных репрессий не последует. Марушкина очень обрадовалась, что её ждёт свидание с любимым учителем, пусть даже и в наркологии, а перетянуть дверь можно было самостоятельно, с минимальными затратами и не вовлекая родителей.

* * *

Едва за соплячкой закрылась дверь, Инесса метнулась к письменному столу, выдвинула один из ящиков, где в глубине, за кипой бумаг, нащупала кольцо – массивное, грубое, совершенно не женское, вытащила его и торопливо надела на указательный палец правой руки. Железный ободок, весь выщербленный, покрытый ржавчиной, полностью закрыл фалангу. В оправе сидел странный минерал размером с перепелиное яйцо. Сейчас этот кристалл яростно

пульсировал густым фиолетовым цветом. Но уже через две минуты кольцо успокоилось и ровно засветилось приглушённым лиловым.

– До кабинета дошла, личинка. Личиночка моя! – Не сдержав эмоции, директриса чмокнула перстень, прижала его к груди и закружилась по кабинету. Потом, опомнившись, остановилась и, воровато оглядываясь, хоть в комнате и никого не было, положила кольцо на место. Села за стол, заложила руки за голову и мечтательно уставилась в потолок. На лице играла блаженная улыбка – ни дать ни взять, девушка, получившая букет цветов от поклонника. Вот только багровое лицо да ярко-красные глаза портили невинную картину.

Глава 6

Танцпол предусмотрен не был, но, когда раздались первые аккорды песни о мужчине, от которого хочется родить сына, три девчонки за соседним столиком восторженно взвыли. Они вскочили, зацепили парочку посетителей бёдрами, но пробрались-таки к барной стойке. Там, не обращая внимания на тесноту, девочки решили устроить дискотеку. Кто-то из «зрителей» засвистел и захлопал, что ещё больше раззадорило барышень – танец стал откровенным и зовущим. Одна из красавиц неуловимым движением вытащила через рукав лифчик и стала размахивать им над головой.

Когда активизировалась охрана, песня почти закончилась. Девушек к тому времени окружили назойливым вниманием, и секьюрити с трудом оттеснили поклонников от троицы. Вежливо, но целеустремлённо «танцовщиц» потащили к выходу. Официант собрал куртки, сумочки, телефоны и поспешил за охраной.

– Фу, как можно так позориться! – Лена, брюнетка, презрительно сморщила носик, покачала головой и потянула коктейль через соломинку.

– А что здесь такого? И сами развлеклись, и нам удовольствие доставили. – Саша подмигнул второй, рыженькой, чьё имя за весь вечер Макс так и не запомнил. Девушка глупо захихикала, но под строгим взглядом Лены замолчала.

– Мы сейчас придём. – Брюнетка встала, подхватила сумочку и кивнула подруге.

Та поспешно вскочила, одарила мужчин извиняющейся улыбкой и поспешила в дамскую комнату.

– Ну, что, тебе которая – тёмненькая или рыженькая? – Сашок, как настоящий друг, решил уточнить заранее.

Максим задумался. Брюнетка, конечно, красотка. Копна блестящих волос почти до пояса, стройная, с длинными ножками и высокой грудью. Но с тех пор, как Сашок подсел к девушкам за столик, Лена лишь пару раз улыбнулась. Причём одна из улыбок была снисходительной – когда Макс сказал, где работает. Вопросы девушки напоминали милицейское расследование – где работаете, на какой машине приехали, какие планы на будущее? Спустя пятнадцать минут Максим понял, что брюнетка раздражает до зубовного скрежета.

Рыжая внешне тоже была ничего. К тому же залиvisto смеялась над шутками, которыми щедро сыпал Сашка. Но при этом сама почти всё время молчала, и, не переставая, грызла ногти. Максим в первый раз видел такой ярко-выраженный невроз. У него даже кончики пальцев начинали болеть, когда рыженькая засовывала руки в рот.

Внезапно Бондаренко понял, что не хочет иметь никаких дел ни с одной, ни с другой. И сам себе удивился – ещё весной он бы приврал немного брюнетке да выпил пару лишних рюмок, чтобы перестать обращать внимание на странности рыжей.

– Забирай обеих – ты у нас молодой бизнесмен, при машине. Думаю, девочки с радостью тебя поделят.

– Бондарь, да ты что? – Саша страшно удивился и спросил, стараясь перекричать очередную хит: – Случилось что-нибудь?

– Просто голова проблемами забита.

– У тебя неприятности?

– Не у меня. У учеников моих. Настроение не то, понимаешь?

– Тьфу ты. Проблемы у подростков и у их родителей, ты-то тут причём? Расслабься!

– Не могу. Сам не знаю, почему. – Тихо ответил Макс.

– А? Чего? Говори громче!

– Нормально всё! – Бондаренко только что принял решение – пора смываться.

Развлекать малознакомых мадмуазелей не хотелось совершенно, но и Сашу обижать не стоило. Нужно было придумать какую-нибудь причину. Пока Макс раздумывал, что делать, вернулись девушки. Рыженькая почему-то выглядела виноватой.

Максиму вдруг стало наплевать, обидится Санёк или нет. В конце концов, из-за баб ссориться – последнее дело.

– Скажите, Александр, вы любите Кафку? – Лена продолжила свой допрос, словно и не уходила.

– Конечно, люблю. Особенно гречневую.

Рыжая радостно засмеялась и засунула палец в рот. Макс резко встал, чуть не опрокинув стул.

– Э-э-э... Извините. Мне пора. Всего хорошего.

Насмешливый взгляд брюнетки просто вопил: «Малыш, я всё понимаю, но извини – перед встречей с такой богиней, как я, стоило в жизни добиться большего». Макс мысленно пожелал ей хотя бы к семидесяти годам встретить принца, сделал вид, что не замечает растерянных глаз приятеля, положил на стол деньги и ушёл.

* * *

Последняя маршрутка отъехала от вокзала пятнадцать минут назад, поэтому пришлось добираться на попутном автобусе. В отличие от маршрутного такси, МАЗ шёл по пути, который позволял доехать только до Яблоневки. А от неё до дома нужно было топтать пешком ещё несколько километров. Такое развитие событий Бондаренко предусмотрел ещё днём и оставил велосипед у Антонины Николаевны, в Яблоневке. Старушка часто навещалась в гости к Семёновне, с молодым постояльцем долгих разговоров не вела, но здоровалась при встрече. А однажды принесла биологу в подарок ясенец. Бондаренко был в восторге – он знал, что растение опасное и очень редкое, но втихоря от хозяйки огорода посадил его на своих экспериментальных грядках в дальнем углу.

Антонина Николаевна согласилась подержать велосипед у себя. Сказала, что калитка не закрывается, и лучше поставить средство передвижения в тени сарая, не то найдутся желающие его присвоить.

Полупустой автобус, пофыркивая, неспешно ехал по шоссе. Кондуктор, собрав дань с пассажиров, села впереди и достала вязальные спицы. Макс поздоровался со смутно знакомым дедушкой, пристроился у окна и задумался.

Осень выдалась богатой на события. Во-первых, наконец-то Инесса Геннадьевна умотала в город, так и не найдя человека на должность директора. Решение оставили на коллектив, и голосованием выбрали самого спокойного и уравновешенного преподавателя школы – учительницу математики. Верх кандидатуру утвердили. В первую очередь Елизавета Александровна отменила большинство предыдущих распоряжений, так что и наставники, и дети вздохнули с облегчением. Вячеслав и Артём ещё до вступления новой начальницы в должность отремонтировали дверь, и инцидент был исчерпан.

Во-вторых, с Мариной Сычковой происходило что-то странное. Бойкая, умная девушка превратилась в тень. За месяц она здорово похудела. Часто засыпала прямо на уроке, плавала у доски, хотя раньше легко зарабатывала высокие оценки.

Но больше всего мысли Бондаренко занимала Марушкина. Экскурсию в вытрезвитель, правда, отменили. Елизавета Александровна сказала, что у девушки пьющие родители, и она каждый день видит итоги злоупотребления алкоголем. И добавила, что со школьницей поговорить всё же надо – девочка хорошая, жалко будет, если сама себе испортит жизнь.

Разговор проходил во время осенних каникул, в деревенском кафе. Пожилая барменша принесла чай, печенье и скрылась в подсобном помещении. Ира пришла нахохлившись, молчаливая и настороженная.

Поначалу разговор не клеился. Да и как можно обсуждать подобную тему с девушкой, которая младше тебя всего на несколько лет? А потом Максим понял, что нужно общаться не учителю с ученицей, а брату с младшей сестрой. Было очень сложно, тяжело. Приходилось подбирать слова, чтобы не отпугнуть, не обидеть. К тому же где-то на границе сознания более легкомысленная часть Бондаренко недоумевала – зачем вести подобные разговоры с чужим человеком? Почему судьба девчонки, похожей на миллионы других подростков, его волнует? Но слова сами слетали с губ. Ира сопротивлялась нажиму – кокетство очень быстро сменилось защитным хамством, был момент, когда Марушкина встала и хотела уйти, едва сдержавшись и не послав наставника. Всё же получилось уговорить остаться.

И Бондаренко решил, что выиграл этот бой. Ира слушала, опустив голову, обречённо кивала и шмыгала носом. Спустя полчаса Макс понял, что на первый раз разговоров достаточно.

Ира догнала биолога на улице.

– Знаете, Максим Андреевич, вы очень хороший. Но вы, как бы это сказать... – девчонка замялась, а потом выпалила, – старый уже, многого не понимаете.

Макс оторопел. Двадцать пять – разве это старость? Жизнь только начинается! А Марушкина, не замечая эффекта от своих слов, продолжала тараторить:

– Мамка с отчимом пьют, денег у нас нет, работу нормальную здесь не найти. Единственный мой шанс – удачно выйти замуж. А кто ж меня возьмёт, если не буду весёлой, компанейской? Скромницу никто не заметит. Так и быть, я пить больше не буду, до восемнадцати, раз обещала. Но вот поступать куда-то, как вы сказали, я не собираюсь! – Ира помолчала немного, и добавила: – Закончу учёбу в двадцать три, старухой, кому нужна буду? Спасибо за заботу, но я сама буду решать, как жить. До свидания.

С этими словами девчонка развернулась и гордо зашагала прочь по улице. А Макс стоял и моргал, не зная, как реагировать на этот страстный монолог.

Догнать, сказать, что это глупости? Что пьяная девушка, которую любой может зажать в угол и облапать, не лучшая кандидатка в спутницы жизни? Что без образования она до конца дней своих будет крутить хвосты коровам в колхозе?

Пока он раздумывал, Ира скрылась за поворотом.

И сейчас, в автобусе, Макс решил, что догнать тогда всё же стоило. Потому что все каникулы он мысленно продолжал разговаривать с ученицей.

– Яблоневка. – Прошамкал голос в динамиках.

Макс из-за раздумий даже не заметил, как автобус остановился. Выскочил на остановку и поёжился – ноябрьский холод мгновенно заполз под осеннюю куртку.

«Пора одеваться потеплей, не май месяц». – Максим поднял воротник.

МАЗ, покачивая задом, уехал в темноту, и мужчина, подсвечивая дорогу телефоном, поспешил в деревню.

* * *

Собачонка, клички которой Бондаренко не знал, звонко залаяла, громыхая цепью. В доме открылась дверь, и в освещённом проёме показалась грузная фигура:

– Тихо, окаянная! Максим, ты?

– Я, Антонина Николаевна.

– А ну, цыц! – Естественно, последняя реплика предназначалась не Максиму.

Собака лаять перестала, и, недовольно ворча, полезла в будку.

– Спасибо, Антонина Николаевна, за велосипед. Ну, я поехал?

– Дабранач. – Больше женщина ничего не сказала и захлопнула дверь. Слабая надежда переночевать в Яблоневке растаяла, как дым.

Деревня состояла из одной улицы, которая с одной стороны упиралась в колхозное поле, а с другой в шоссе. Едва учитель вывел велосипед со двора и повернул в сторону асфальтированной дороги, впереди показался автомобиль. Если бы не фонари, его можно было не заметить – тёмный, с выключенными фарами, он практически крался по деревне. На всякий случай Бондаренко решил обождать в тени и вернулся к забору – не хотелось, чтобы его с ног до головы обдало осенней грязью.

Но машина до него не доехала – остановилась у заброшенного дома недалеке. Хлопнула дверца, но кто вышел из авто, было не рассмотреть. Максим собрался выйти из тени, но его внимание привлекла фигура, медленно бредущая по улице. Бондаренко присмотрелся и обомлел – мимо него прошла Марина Сычкова, одетая только в тонкую ночную рубашку. Обувки тоже не наблюдалось – по раскисшей ноябрьской дороге девушка шла босая. Ученица свернула в тот же пустующий двор, что и водитель машины.

Сразу вспомнились странности, творившиеся с девчонкой последние полтора месяца. А ещё методичка, которой снабдила школу милиция. В документе подробно рассказывалось о новомодном наркотическом веществе, ставшем популярным у несовершеннолетних.

Уже гораздо позже Макс старался понять, какой чёрт нашептал в ухо идею подобраться к забору и подсмотреть, что происходит. Никакая ответственность за вверенных детей не предусматривает самоубийство. Но, видимо, выпитое в баре спиртное приглушило инстинкт самосохранения и вывело на первое место любопытство. Прислонив велосипед к забору Николаевны, Максим крадучись, подошёл к злосчастному дому. Машина оказалась «Тойотой». Обойдя её и ещё больше уверившись, что во дворе увидит компанию наркоторговцев, Бондаренко привстал, заглянул поверх прогнившего забора и всмотрелся в темноту.

Поначалу он не мог разобрать ничего, кроме копошащихся теней во дворе. Тихий, жалобный стон доносился оттуда же. А затем, словно по заказу, разошлись тучи, и двор залил слабый лунный свет. Его оказалось достаточно, чтобы увидеть.

На пожухлой осенней траве, раскинув руки, лежала Марина. С губ периодически срывался слабый стон. А рядом с ней, на четвереньках, припав губами к локтевому сгибу девушки, стояла женщина в брючном костюме. И издавала чмокающие звуки.

Глава 7

Максим закрыл глаза, открыл. Видение не исчезло. Потряс головой – эффект тот же. Он застыл, не понимая, что за дикость происходит прямо перед ним. В руках, словно сам по себе, оказался телефон, и Бондаренко включил видеокамеру. Экран на мгновение осветил самого мужчину, но загадочная женщина была так увлечена, что ничего не заметила.

«Что-то ужасное происходит. Девочку надо спасти! Не стой истуканом!»

Никогда ещё интуиция так громко не вопила в голове у Макса. Громко, а главное, женским голосом. И Бондаренко стал лихорадочно обдумывать план спасения.

Если там, на траве, какая-нибудь маньячка, следовало подготовиться – вдруг у неё оружие в кармане? Взять первую попавшуюся палку, перескочить забор и шарахнуть незнакомку по голове? Или не рисковать, а позвонить в милицию? Ага, и пока стражи правопорядка сюда доберутся, может случиться беда. Максим думал и продолжал снимать. Вдруг женщина резко выпрямилась, шумно втянула носом воздух. Её глаза светились ярко, как у кошки. Только красным. И вот тут Бондаренко испугался по-настоящему.

Зашипев, быстро-быстро странная тварь приблизилась к забору. Максиму даже показалось, что она при этом не перебирала ногами. Мужчина присел и прямо так, на корточках, торопливо проковылял за машину.

Неизвестно, чем бы закончилось эта ночь, если бы во дворе через дорогу не раздался многоголосый смех, и не открылась калитка. На улицу вывалилась компания. Красноглазое создание, уже выглядывавшее из-за забора, спряталось.

– О, мужики, смотрите, какая тачка!

– Это чья такая?

Сельчане столпились у автомобиля и загалдели.

– Из наших ни у кого нет такой.

– К Михалычу, наверное, родня из Минска приехала.

– Дык это – машину-то чего здесь поставили?

– Какой Минск, номера нашей области!

Толпа была пьяная и большая. Максим бочком подобрался к людям, встал и тоже загомонил. На него не обратили внимания.

– Пусть стоит, нам-то что. Пошли к Николаевне, а то она после часу не продаёт уже.

Радуюсь удаче, Бондаренко вместе со всеми пошёл к старушке. Сзади глухо хлопнула дверь машины, «Тойота» пронеслась мимо.

Мужики стали стучать в дверь Николаевны, собачонка опять залилась звонким лаем. Максим отстал, развернулся и поспешил назад. Было очень страшно, но мысль о девочке не давала покоя.

Марину он нашёл там же, в той же позе. Дышала ровно, глубоко. Складывалось впечатление, что она просто спит. На руке у неё наливался обширный кровоподтёк. Сам не понимая, что делает, учитель снова достал телефон. Задокументировал на видео синяк, потом нашёл такой же на второй руке. Смутился, но отбросил сомнения, задрал ночную рубашку и осмотрел тело Сычковой. Нашёл ещё три синяка, разной окраски. Один, на внутренней поверхности бедра, у самых трусиков, был еле заметным, а значит, появился давно и успел зажить. Всё методично заснял. Зашёл в органайзер, уточнил адрес ученицы – идти было всего ничего. Взял девушку на руки, крякнул – она оказалась не слишком лёгкой.

В дом напротив вернулась пьяная компания, и деревня вновь погрузилась в тишину. Максим, периодически поправляя сползавшую девушку, донёс её до дома. Калитка оказалась распахнута, одно окно на первом этаже тоже. Чувствуя себя преступником, Бондаренко встал на лавку, заглянул в окно и увидел мирно сопящего мальчишку. Мысленно поблагодарив строи-

телей дома за низкие окна, учитель, стараясь не шуметь, аккуратно пропихнул всё ещё находящуюся без сознания девушку в комнату и опустил на пол. Потом залез сам, уложил Марину на кровать и закутал в одеяло. Ушёл тем же путём, прикрыв окно как можно плотней.

Пока ехал по шоссе, всё время оглядывался – не оставляло ощущение, что тварь с красными глазами гонится за ним. Наступил момент, когда страх оказался таким сильным, что ноги закрутили педали с огромной скоростью, а глаза в темноте стали видеть ужасных чудовищ, тянувшихся к велосипеду. В итоге не заметил, как наехал на какой-то камень, упал. Зато пришёл в себя.

Дома в первую очередь проверил, хорошо ли закрыты окна и дверь. Потом, подумав, достал из холодильника тарелку с котлетами и бутылку водки, которую Семёновна хранила уже года два. Взял в серванте рюмку и ушёл к себе.

Подключить телефон к компьютеру решился только после двух порций спиртного. Налил третью, поставил рядом с клавиатурой, и лишь потом включил видео. Причём начал со второго – того, где были засняты повреждения на теле. На мониторе можно было рассмотреть намного лучше, чем на экране телефона, поэтому Максим, не обращая внимания на трясущиеся руки, внимательно всматривался в картинку, периодически нажимая на паузу.

Синяки были похожи на укусы слепня. Гигантского такого, размером с кошку. В центре каждого кровоподтёка виднелась ранка, не больше трёх миллиметров в диаметре. Самая свежая рана кровоточила. После пяти просмотров картинка приелась, сердце успокоилось, и Макс решил, что готов.

Вот оно. Распластанное тело в ночной рубашке и склонившаяся женщина. Максим поставил на паузу и взял котлету.

«Должно быть какое-то рациональное объяснение. Например, у Марины с этой женщиной интимная связь. А что, вполне возможно – у девочки возраст экспериментов. Она пришла на свидание, приняла какую-нибудь гадость – где один порок, там и для другого место найдётся, и во время «процесса» потеряла сознание. А взрослая любовница в порыве страсти не заметила.

Тогда как объяснить то, что женщина поняла – за ними наблюдают? Да очень просто – сам же наступил на какую-нибудь ветку, но, увлечшись зрелищем, не услышал хруст. А у загадочной дамочки оказался тонкий слух.

Красные глаза – просто цветные линзы. Девочки и женщины фанатеют от вампиров. Написано столько книг, снято столько фильмов, что вампиризм стал практически синонимом романтики.

Синяки – аллергия. Или нарушение свёртываемости. Или родители воспитывают Марину ремнём и тумаками».

Убедил сам себя, что вместо сверхъестественного заснял что-то гадостное, но объяснимое, и продолжил смотреть. Дождался кадров, на которых женщина бежит к забору.

Поставил на паузу. Вскочил со стула, схватил бутылку и сделал несколько больших глотков. Водка не помогла. Тварь – всё-таки тварь, а не обычная любительница экзотических утех, летела по воздуху, едва касаясь травы дорогими сапогами. Бондаренко энергично растёр щеки ладонями, не глядя, надкусил котлету, отмотал назад и просмотрел ещё раз.

Сомнений нет. Это существо летит над землёй.

Нервы не выдержали. Чуть ли не кулаком биолог выключил компьютер, разделся и плюхнулся в кровать.

Через несколько секунд вскочил, включил компьютер и, приплясывая, с нетерпением ждал, пока тот загрузится. Не мешкая, открыл видеозапись, промотал до момента, когда существо приблизилось к забору, остановил и увеличил лицо. Да, ему не показалось – на экране красовалась Инесса Геннадьевна.

Спать Макс так и не лёг – сходил на кухню, заварил кофе и ушёл бороздить просторы интернета.

На запрос «люди с красными глазами» ничего подходящего не находилось. На «левитацию» всемирная паутина выдавала фантастические теории, начиная с тибетских монахов и заканчивая инопланетянами. И так, и этак Максим мучил поисковик, но ничего рационального, похожего на то, что он видел сегодня, не находилось.

К концу второго часа изысканий Бондаренко наткнулся на весьма интересную беседу каком-то сообществе врачей. Медики обсуждали важную роль подсознания пациента в постановке диагноза. Один молодой человек, врачи в беседе называли его «Л.», открыл историю своей болезни обращением в милицию. Л. уверял стражей порядка в вампирской сущности соседки. Та, по его словам, раз в неделю, прямо на балконе, пила кровь животных. Молодого человека подняли на смех, но он настаивал, угрожал и требовал принять заявление. Его культурно послали. Тогда тот напрямую обратился к участковому и уговорил зайти к соседке, чтобы проверить шкафчик на лоджии. Л. не раз видел, как девушка именно туда складывает трупы собак.

Девушка оказалась милой, вежливой, впустила милиционера, посетовала на то, что психиатрические заболевания молодеют и напоила чаем. Естественно, на балконе кладбища животных не нашлось.

А спустя неделю Л. попал в больницу – потерял сознание на работе. И началось его хождение по мукам. Врачи почти сразу поставили диагноз – анемия, назначили лечение, но улучшений не наступало. Каждому медику на своём пути больной пытался объяснить, что ему мстит соседка и по ночам высасывает из него жизнь. Терапевт, устав от мистики, направил Л. к психиатру, но мужчина до специалиста не добрался – умер.

Тему на форуме поднял патологоанатом, поставивший окончательный диагноз – хроническая постгеморрагическая анемия, которую до этого врачи принимали за обычную железодефицитную. И медики несколько страниц обсуждали выверты человеческого мозга – тело больного, пытаясь подать сигнал о проблеме, породило в сознании Л. соседку-вампира. Причину постоянной кровопотери прозектор, к слову, так и не смог определить.

Рацпредложения по использованию подобного для своевременной постановки диагнозов Максим не читал. Его интересовало не это, а фотографии повреждений на коже Л., сделанные в морге, да подробное описание соседки почившего молодого человека. Совпадало всё до мелочей.

Бондаренко решился не сразу. Минут десять он бездумно сидел на стуле, всё ещё цепляясь за весь свой накопленный жизненный опыт. Но потом понял, что упорное желание держаться за логику и реальность не поможет, и ввёл в поисковике слово «вампиры».

Практически сразу утонул в готических форумах, ссылках на многочисленные фильмы, книги и анимэ. По-разному формулировал вопрос, но так или иначе всё равно наткнулся на эту странную субкультуру, от которой спустя час хотелось завывать в голос. Но благодаря настойчивости удалось накопать кое-что.

Вампиры аристократы и интеллектуалы начали своё триумфальное шествие по планете лишь в девятнадцатом веке, благодаря Брэму Стокеру. Он вдохновился ужасными легендами о румынском князе. Легенды, в свою очередь, основывались на деревенских сказках об упырях. А упыри оказались родные, славянские. Решив плясать именно от этого, Максим стал изучать информацию о мифах и легендах предков.

Оказалось, что об упырях знали давным-давно. Правда, в интернете информация была отрывочна и противоречива – где-то считали, что это мертвяки, которые по ночам приходят мучить родственников, где-то – что это умершие колдуны. А кто-то из предков думал, что упырь может жить среди людей, ничем от них не отличаясь. Так или иначе, все сказки роднили

некоторые детали – жажда плоти или крови, красное, грубое, словно обветренное лицо, трупный запах от тела и отсутствие души.

Про душу Максим не знал, но всё остальное совпадало. Даже агрессивное использование парфюма прекрасно вписывалось в портрет – видимо, таким способом тварь отбивала мерзкий запах от собственной тушки.

Оставалось ещё много вопросов, но Бондаренко понял, что мозг отказывается нормально работать после такой безумной ночи. К тому же услышал, как в доме зашуршала Семёновна – наступило воскресное утро. Максим решил всё же хоть немного вздремнуть.

Ближе к десяти он проснулся. Екатерина Семёновна дулась из-за пропажи водки. Максим умылся, оделся, спешно слетал в магазин, купил целых две бутылки. В чек добавил килограмм шоколадных конфет и розовый зефир. Увидев покупки, бабуля оттаяла и напекла блинов.

Остаток дня Максим занимался бесконечной бумажной работой, заполняя, планируя, записывая. Как и любой учитель. Муторное, бесполезное дело вытеснило из головы мысли о прошедшей ночи. Уже перед сном, лёжа в кровати, думами вернулся к упырихе и Марине. Желание помочь, спасти, было сильным. Но Макс понимал, что желание это бесполезное и невыполнимое. Если бы девочку преследовал маньяк, можно было бы обратиться в милицию. А в подобном случае что делать, биолог даже не представлял.

Глава 8

Первый урок второй четверти тянулся, как жвачка. Максим Андреевич обрадовался звонку даже больше, чем дети. Он с нетерпением ждал одиннадцатый класс. Хотелось увидеть Сычкову при дневном свете. Бондаренко всё ещё надеялся, что субботняя кошмарная ночь просто сон. О снятом видео не хотелось думать.

Марина выглядела немного лучше, чем в последние недели, хотя бледность никуда не делась. Максим решил, что его присутствие спугнуло Крокодиловну, и она не успела насосаться власти.

После урока Марина подошла к Максиму и сказала:

– Спасибо.

Учитель внутренне подобрался. Сычкова вряд ли видела и помнила то, что происходило, но вот – благодарит. За что?

Видя, что учитель молчит, девушка продолжила:

– Понимаете, в последнее время мне часто снится один и тот же кошмар. После него просыпаюсь вся разбитая. – Марина понизила голос, и добавила, стесняясь. – Кажется, даже иногда хожу во сне. Утром замечая, что ноги грязные.

– Снохождение часто встречается в твоём возрасте, ничего страшного. – Максим сам не понял, зачем это сказал. Наверное, не хотел развивать неприятную тему.

– Дело не в этом. Сон всегда один и тот же, меняются только незначительные мелочи. Но в последний раз почему-то появились вы и спасли меня. Я проснулась в хорошем настроении, отдохнувшая. Знаете, почему это случилось?

Максим подавил желание сбежать от ученицы и ответил:

– Не имею ни малейшего понятия.

– Потому что вы стали для нас настоящим другом. И даже во сне я могу вам доверять. Спасибо, что пришли работать в нашу школу.

После этих слов Максим не выдержал. Он не мог оставаться в стороне, пока какая-то сверхъестественная скотина медленно, по каплям выдавливает жизнь из девушки.

– Марина, я хочу, чтобы ты пришла сюда после уроков. Нам нужно серьёзно поговорить. Девушка удивлённо приподняла брови.

– Не волнуйся, ничего страшного. Просто поговорим о твоём здоровье и сомнамбулизме.

* * *

Элитная недвижимость областного центра не бросается в глаза. Коттеджи и таунхаусы скромно пристроились на берегу реки, отделившись от города небольшим парком. Здесь нет весело бегающей толпы детей, и женщина в застиранном халате не тащит вёдра с водой из уличного колодца. Заборы глухие, высокие. Изредка по хорошо асфальтированной дороге проезжают машины да рано утром спешит на работу обслуживающий персонал, прибывший на автобусе.

Среди двух- и трёхэтажных домов непонятно как затесался малыш, похожий на сказочную избушку. С первого взгляда становится ясно, что владелец вложил в него не меньше, а то и больше, чем соседи в свои замки. Правда, высокий каменный забор не позволяет любопытным увидеть слишком много. Зеркальные окна делают фасад светлым, радостным, но полностью исключают возможность осмотреть внутреннее убранство.

Один этаж, три жилые комнаты. Всё оформлено со вкусом, дорого, женственно. Вхожа в этот дом только домработница и только раз в неделю. Молчаливая, работающая дама средних

лет тенью скользит по дому с тряпкой, забирает деньги на кухонном столе и уходит. Нанимательницу она видела только один раз, при устройстве на работу.

Условия службы просты – не заходить в подвал, не воровать, не открывать холодильник. «Я узнаю» – с жуткой улыбкой сказала хозяйка дома. Решив, что в доме везде стоят видеокмеры, женщина решила не искушать судьбу и ни разу не нарушила договор. Тем более что объём работ был небольшим, а плата – достойной.

Вот только ванную комнату убирать было противно. Огромное количество баночек, флакончиков, пульверизаторы с духами, туалетной водой, дезодоранты и антиперспиранты – каждую ёмкость приходилось отдельно протирать, при этом концентрированные ароматы атаковали обоняние, и после работы женщина не чувствовала никаких запахов несколько часов. А ещё вечная грязь и пыль в ванной, словно хозяйка не чиновницей работала, а рыла траншеи. Но по сравнению с основной работой, где приходилось приводить в порядок огромный коттедж для семьи с тремя детьми, уборка маленького домика всё равно казалась отдыхом.

Если бы домработница была более любопытной и заглянула в подвал, она бы очень удивилась.

Звездой цокольного этажа являлся огромный деревянный ящик – три метра в длину, столько же в ширину и высотой метра в полтора. С одной стороны к нему примыкала лестенка. Ящик был наполнен землёй, в углу подвала имелся собачий вольер. Три пса лежали на полу, прижавшись друг к другу. В вольере стояло два грязных эмалированных тазика – один с сухим кормом, другой с водой. Имелся ещё один ящик, только гораздо меньшего размера, в нём лежало несколько мёртвых собак. Ещё сюда для чего-то была подведена вода – обычный садовый шланг с распылителем лежал возле большего ящика.

Больше в подвале ничего не было.

В девять часов утра собаки заметались по вольеру и забились в дальний угол. В ящике зашевелилась земля, и спустя несколько секунд из-под неё показалась Инесса Геннадьевна. Отфыркиваясь и сплёвывая, она села, оттерла землю с лица и зевнула. Комья чернозёма забились в белокурые волосы, тело было грязным и дряблым. Пошатываясь, существо спустилось по лестенке и подошло к лохматым пленникам.

Псы в панике завyli, но тот, на кого показал грязный палец, покорно подошёл к прутьям. Инесса открыла дверцу, взяла пса за загривок и впиалась в шею жертвы.

Даже сквозь слой грязи было видно, как кожа упырихи розовеет, разглаживается и молодеет. Тело уже не выглядело дряблым, наоборот – ягодицы подтянулись, грудь приобрела соблазнительные формы и упругость, а живот перестал напоминать сдувшийся воздушный шарик. Бросив ставшую бесполезной тушку к остальным трупам, Инесса раскинула руки и с довольным стоном потянулась.

Собак нужно было не так уж много – по одной в неделю. Кошек можно было употреблять хоть каждый день, но их кровь не нравилась Инессе на вкус. Лишь изредка, при внезапно нахлынувшем голоде, как тогда, в школе, тварь забывала о гурманстве.

Уже несколько лет упыриха не знала с питанием проблем – в городской службе отлова животных работал нелюбопытный мужичок, который за щедрую плату снабжал дорого одетую женщину «объектами для опытов». Брал только тех собак, которых предписывалось усыпить. Ему же раз в два месяца отвозился мешок с трупами, и человек всё так же без вопросов сжигал их в служебном крематории.

Люди попадали в подвал раз в год. Инесса не отличалась особой кровожадностью, она просто хотела жить. Если бы она пила кровь чаще, чем это необходимо для поддержания существования, глаза бы сияли алым всегда. А в последние семьдесят лет упыриха старалась вести обычную человеческую жизнь. Слишком много товаров, не удержав себя в рамках, либо развеялись по ветру, либо были уничтожены людьми. А большинство и вовсе превратилось в без-

мозглых тварей, которых убили свои же. Последнего упыря Инесса видела в далёком тысяча девятьсот шестьдесят третьем году.

Современный мир недружелюбен к нежити.

Инесса взяла шланг, поднялась по лесенке, тщательно полила землю. Когда-то в этой почве закопали её труп, из неё она вышла «обновлённой», и должна была раз в сутки хотя бы на час в неё возвращаться. В семидесятых годах двадцатого века лес, в котором находилась тайная могилка, выкорчевали и построили на его месте новый городской район. Инесса, тогда ещё Мария, подсутилась и вывезла всё, от чего веяло её собственной силой. До последнего комочка. И теперь ежедневно поливала ящик, чтобы грунт не пересох и не развеялся в пыль.

Продолжением утреннего моциона было принятие душа и опрыскивание духами. Инесса сама не любила мерзкий запах, идущий от тела, к тому же не стоило шокировать окружающих ароматами разлагающейся плоти. Затем обычное прихорашивание, характерное для всех живых женщин мира – причёска, макияж, выбор одежды на день... За триста лет, включающих в себя и жизнь, и послежизнь, этот ритуал совершенно не надоел.

Оставив деньги для горничной, Инесса отправила по телефону сообщение: «Соскучилась, люблю, давай встретимся». Средства к безбедному существованию она зарабатывала так же, как и при жизни – использовала состоятельных мужчин. Только теперь она не занималась с ними сексом, а просто дурманила мозг и насылала жаркие видения. А те с радостью раскрывали кошелёк, переводили деньги со счетов и покупали дорогие подарки, только бы удержать роскошную девушку рядом.

Хоть нынешний спонсор и являлся непосредственным начальником, на работу опаздывать не стоило. Под дверью кабинета уже наверняка скопилась кучка просителей, нервирующая коллег. Последние семьдесят лет Инесса меняла имена, профессии, места работы, но не прекращала крутиться среди людей, чтобы не растерять навыки общения. Это был лучший способ не вызывать подозрений, не подставляться. Да и скука развеивалась.

Выехав за ворота, обернулась и посмотрела на свой домик. Пора его продавать, делать новые документы и перебираться в другой город или даже в другую страну. Женщина, которой когда-то была Инесса, умерла в тридцатилетнем возрасте, а по нынешнему паспорту ей уже сорок пять. На последнем корпоративе коллеги шёпотом спрашивали о секрете такого цветущего вида. Инесса отшутилась зелёным чаем и молодыми любовниками, но занервничала.

Вжав педаль газа в пол, упыриха выехала из района. Городские улицы приняли её в свои объятия. Лавируя, поворачивая, тормозя и газуя, она планировала будущее. Вот только не могла никак решить, что делать с личинкой.

Инесса от злости готова была затащить влюблённого начальника в свой подвал и выпить насухо, когда он посмел направить её в деревню. Но остановили последствия. Если бы Инесса не была такой осторожной и последовательной, то давно бы исчезла с лица земли, как и большинство «родственников». Ряды которых, кстати, сильно поредели после тысяча девятьсот сорок пятого. Тогда Инессе было наплевать, а сейчас поздно уже выяснять, почему после войны новые упыри перестали появляться.

Начальник сказал, что хорошая знакомая из Красноселья очень просила, чтобы на должность директора отправили именно Инессу, как одну из самых ответственных работниц исполкома. Крепя зубами, нежить поехала. И наткнулась на Сычкову.

Это была редкая удача. Невозможная. Последний раз потенциальная ведьмочка попалась упырихе больше века назад.

Когда-то давно колдуны и ведьмы доставляли очень много неприятностей нечистой силе. При этом неинициированные являлись редким деликатесом для вампиров. Поэтому имелся специальный артефакт, сигнализирующий о такой личности. Очень древнее кольцо, владельцем которого сейчас являлась Инесса.

Пить человека, который лишь при определённых обстоятельствах мог стать колдуном, можно было хоть каждый день – никаких побочных эффектов. Ни неадекватных выходов, ни боязни солнечного света, ни потери личности. К тому же изумительно вкусно. Чистая, незамутнённая Сила. Как в Вырае, в который давно нет хода.

Поначалу упыриха думала похитить девушку, закрыть у себя в подвале и пользоваться до тех пор, пока не надоест. Но замаячивший впереди переезд не вписывался в такое развитие событий – слишком много возни.

Инесса бросила взгляд в зеркало заднего вида. Глаза блеснули красным.

«Решено. Хватить тянуть. Надо нацедить баночку крови на будущее и выпить девчонку до конца».

Глава 9

«На что я рассчитывал?» – Метался по комнате Максим. – «Хорошо, что не додумался показать второе видео, с «обнажённой», а то объяснял бы всё в милиции. Идиот, не собирался ведь вмешиваться!».

Скрипнула дверь – Семёновна ушла хлопотать по хозяйству. Макс выскочил в зал – там было больше места, метаться стало удобней.

«Только бы она не пошла к родителям. Уволят. Сяду. Тьфу, и зачем только любопытствовал – какая разница, где по ночам шляются ученики!»

Бондаренко после уроков взял да и показал ночную съёмку главной героине ролика. Марина устроила истерику, кричала, что это бред, что такого не может быть, заявила, что учитель извращенец, сволочь и последний гад, а на попытки оправдаться не реагировала. В конце концов девушка, плача, выскочила из кабинета, а Макс почувствовал себя оплётанным.

Зазвонил телефон.

– Максим Андреевич?

– Да. Кто это? – Макс злился, поэтому ответил довольно грубо.

– Это Коваль. А Екатерина Семёновна дома?

– Да, в сарае где-то. Зачем она тебе, Коваль?

– Мы не к ней, а к вам. Это хорошо, что она не в хате. Можно зайти? Мы у калитки.

«Кто это «мы»? И что этим «нам» от меня надо?» Дети, конечно, знали, где живёт классный руководитель, но никогда не напрашивались в гости.

– Заходите. – Максим почему-то решил, что это Артём и Вячеслав. Сычкова им всё рассказала, и они по простому решили набить учителю морду за глупые шутки. Но, поскольку всё было правдой, никакой вины за собой мужчина не чувствовал.

В сенях затопали. Потом дверь открылась, и в зал зашли Славик и Марина. Парень с интересом смотрел на учителя, а Сычкова прятала глаза и жалась к однокласснику. Максиму полегчало.

* * *

– А потом, уже дома, я подумала – откуда вы знаете, что мне снится? Ведь один в один всё! И синяки странные по всему телу, а ещё, – тут Марина совсем понизила голос, – я плохо помню, чем занималась в те два вечера, ну, когда наказание отбывала. Я и пошла к Славке.

– Почему к нему? – Наставник после извинений девушки совсем успокоился, стал собран и деловит.

– Как почему? – Сычкова удивлённо пожала плечами. – Он верит во всякую чертовщину. И не трус. А ещё он мой. . .

– Ладно, не продолжай. Это ваши личные отношения. – Но про себя Максим удивился – Марина умная, интеллигентная девочка, сложно было представить, что она встречается с таким шалопаем, как Коваль.

– Да вы что! – Завопил молчавший до этого парень. – Брат я её, брат! – И уже тише добавил: – Тройродный. Мы с Марусей с детства вместе тусуемся – деревня наша маленькая, сверстников мало.

– Поэтому я к нему и пошла. И всё рассказала. И он сказал, что надо с вами поговорить. И видео ещё раз посмотреть. Потому что это может быть вампир. Хотя я ни во что такое не верю.

– Понимаешь, Мариночка, я тоже не верю. Но не знаю, как объяснить то, что видел и заснял. Ничего нормального, рационального на ум не приходит.

– Так вы видос покажете или нет? – Славка потёр руки.

В сенях вёдрами забренчала хозяйка дома.

– Вы тут смотрите, а я пойду, кофе заварю. – В очередной раз наблюдать за упырихой не было никакого желания.

Семёновна, услышав о гостях, засуетилась и решила испечь блинчиков с яблоками, несмотря на слабое сопротивление со стороны квартиранта. Макс сделал кофе и отнёс чашки в комнату.

Марина валялась на кровати и рыдала, уткнувшись в подушку. Не обращая внимания на родственницу, Коваль хозяйничал за компьютером, терзая поисковик вопросом «как убить вампира».

– Марина, не плачь. – Учитель сел на кровать и погладил девочку по спине. Что ещё сказать и что сделать, он не знал. – На вот, кофе выпей.

Марина резко села и шмыгнула носом.

– Она меня убьёт. Я точно знаю. Чувствую.

– Да ну! Не говори ерунды. Никто тебя не убьёт.

Под упрекающим взглядом Бондаренко замолчал. Действительно, какие могут быть ещё варианты.

– Давайте сюда. – Девушка обхватила руками кружку и сделала глоток.

– Спокуха, Маруся. Ещё не вечер. – Вячеслав крутнулся на стуле и посмотрел на старые часы, висевшие на стене. – Как я понял, Крокодиловна приходит к тебе только в ночь с субботы на воскресенье?

Сычкова опять шмыгнула носом и кивнула.

Славка прямо искрился от жажды деятельности. Макс решил пока не вмешиваться в подростковый мозговой штурм – в конце концов, он даже не представлял, что делать и надо ли делать вообще. Не очень-то хотелось бодаться с силами, о которых он только изредка в книгах читал да в фильмах смотрел. Но, показав видео детям, вроде как подписался в участии. Поэтому пристроил зад на тумбочке, стоявшей возле двери, скрестил руки на груди и стал слушать.

– Короче, я тут погуглил, везде написано одно и то же. – Славка стал деловито перечислять, загибая по одному пальцу на каждый пункт. – Первое. Вампира надо убить, иначе она тебя обратит. Тоже будешь кровь пить.

– Или просто убьёт, – мёртвым голосом сказала Марина.

– Типа того. Ладно, второе. Вампиры боятся солнечного света, серебра, святой воды и осиновых колов. Ещё сжечь можно. Значит, мы прячемся в кустах возле твоего дома, а когда вампирша придёт в гости – выскочим, набросим на неё серебряную цепь, обольём бензином, подожжём, вобьём в сердце осиновый кол и дождёмся рассвета. И всё! – Довольный собой Коваль торжествующе обвёл взглядом присутствующих. Марина задумалась. Она явно прокручивала в голове предложенный план. Судя по посветлевшему лицу, девушке понравилось предложение кузена.

Макс не выдержал.

– Не хочу тебя расстраивать, Вячеслав. Но кое-что в твой план не вписывается.

– Да нормально всё! – Отмахнулся парень.

– Подожди, Славк. Что вы имеете в виду, Максим Андреевич?

– Смотрите сами. Вам не кажется, что если бы Инесса Геннадьевна боялась света, она не ходила бы на работу? Так что один из пунктов можно вычеркнуть.

– Точно. Об этом я как-то не подумал. – Славка погрустнел, но потом снова загорелся. – Ну, и ладно. Обойдёмся без солнца. Просто обольём бензином, чиркнем спичкой, и привет!

– Нет.

– Да что нет-то? – Славка обиженно вскочил, но места для возмущённой ходьбы было мало, поэтому снова сел.

В комнату постучалась Семёновна. Разговор отложили – ребятам пришлось пробовать и нахваливать блинчики. Бабушка ушла не сразу – поговорили о школе, о погоде, о родителях, но, в конце концов, женщина поняла, что мешает, и поспешила в зал, смотреть сериал.

– Ну? Что вас ещё не устраивает? – Славка продолжил, едва закрылась дверь.

– Скажи мне, Коваль, вот что. Где ты, законопослушный семнадцатилетний парень, сын ветеринара, найдёшь толстую, прочную, способную удержать упыря цепь из серебра?

Славка замер и ушёл в себя. Было видно, что о такой мелочи он как-то не потрудился задуматься. А Марина тихонько сказала:

– Вы знаете, у Крокодиловны на шее кулон висит, серебряный. И серёжки с какими-то красными камнями – я не знаю, какими. Но оправа тоже вроде серебряная. Так что не поможет металл.

– У нас остаётся святая вода, осиновый кол и спички! – Слава не собирался сдаваться.

Максим Андреевич понял, что всё же ввязался. Хотя изначально совсем не собирался этого делать. Конечно, можно было отдать запись ученикам, пожелать удачи и ни во что не вмешиваться.

И так никогда и не узнать, с чем столкнула жизнь? Любопытство не было основной чертой его характера, но сейчас оно полностью подавило инстинкт самосохранения. К тому же Максим вдруг представил, как приходит на похороны к этим ребятам, а потом всю жизнь мучается от осознания того, что не помог. Судя по поведению Славы, они вполне могут погибнуть.

– Подожди, не суетись, Коваль. Все твои способы описаны в литературе и фильмах. Кто знает – если про солнечный свет и серебро соврали, то и всё остальное может не сработать. Надо выяснить, с чем или с кем мы имеем дело. Может, это вообще человек, просто больной психически. Ты же не хочешь стать убийцей.

– Нет, это не человек, вы же видели! – Марина сжала кулаки.

– Пусть так. Но навести справки необходимо.

Ребята выжидающе смотрели на учителя. Как на уроке. Это помогло сосредоточиться.

– В интернете мы ничего толкового не найдём, я уже пробовал. Нужно связаться с человеком, знакомым с местным фольклором. Судя по всему, это наш, славянский упырь, если мы правильно определили, хм, вид существа. Вот только где такого найти? Есть у меня несколько знакомых по универу филологов и историков, но кто из них увлекается мифологией – без понятия. Пока со всеми свяжусь, пока расспрошу... А у нас не так много времени.

– А я знаю, кто может помочь. Николаевна!

Марина застонала:

– Славка, ты опять!

– Не, Мариш, погоди. Я тебе говорил, что она ведьма? Говорил. Или ты сейчас опять скажешь, что колдовства не бывает?

Сычкова промолчала.

– Погоди. Антонина Николаевна? Из вашей деревни?

– Дык, а я про что! Мамка говорила, что в детстве я заикался сильно, она меня к Николаевне отвела, та в бане надо мной заговор прочитала какой-то, дала маме траву заваривать, и всё прошло через месяц. А Шугаровы десять лет не могли родить, Николаевна их полечила, и на тебе – двое детей!

Максим задумался. Если пацан прав, то это идеальный вариант – по идее, деревенская ведьма просто обязана разбираться в чертовщине. Вот только Слава любит преувеличивать, и, возможно, зря клеветает на старуху.

– Ладно. Других вариантов всё равно нет. Попробуем. Завтра к ней съезжу, сами не ходите. – Макс посмотрел на часы. – Так, ребята, последняя маршрутка отходит через десять минут. Давайте, по домам.

– Спасибо. – Марина прижала руки к груди. – Максим Андреевич, спасибо за участие.

– Не за что пока благодарить.

Ребята попрощались с Семёновной, хлопнула входная дверь. Макс устало лёг на кровать. Подушка была влажной от слёз.

Следовало придумать нормальный, логичный повод для посещения колдуньи.

Глава 10

Рабочий вторник Бондаренко провёл в нетерпении. Раздражали и коллеги, и ученики. К тому же директор вызвала к себе в кабинет и вежливо напомнила, что он пропустил все сроки сдачи годового плана по воспитательной работе с классом.

подавив желание послать подальше начальницу, Максим Андреевич кивнул и вышел. В конце концов, она тоже человек подневольный.

Вторую половину дня, вместо того чтобы заниматься исследованием народных легенд и сказаний, Макс сидел в кабинете биологии и марал бумагу, с тревогой поглядывая в окно – погода постепенно портилась. К пяти часам туман полностью скрыл окрестности.

Ещё через час Максим закончил работу. К этому времени стало совсем темно. Выйдя на школьное крыльцо, наставник поёжился – фонарь у двери кое-как освещал ступеньки, но дальше туман скрывал абсолютно всё. Прогнав предательскую мысль о переносе randevу с ведьмой, Макс сделал шаг в молочную темноту.

Велосипед не взял, оставил на «стоянке» возле школы. Слишком рискованно в такую погоду ехать по шоссе на двухколёсном коне – как раз в это время люди, работающие в областном центре, но живущие за городом, спешат разъехаться по домам, а поцелуй с машиной всегда неприятен.

Из тумана постепенно выныривали размытые пятна – освещённые окна и редкие деревенские фонари. Так что до остановки Макс дошёл без проблем. Дождался рейсового автобуса и поехал в Яблоневку.

* * *

МАЗ не спеша отчалил и словно растворился в темноте. Максим из автобуса вышел один. Стараясь не слишком вертеть головой, чтобы не потерять направление, мужчина достал из кармана телефон, включил фонарик, но тут же выключил, потому что стало только хуже – свет не смог разогнать плотную влагу вокруг, зато на границе светового луча туман стал походить на толстую грязно-белую стену.

Городской житель слабо представляет себе, что такое сельские просторы в ноябре. Семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки на земле лежат облака. Туманом это можно назвать только днём. Ночью, особенно, если в радиусе километра-двух отсутствуют источники света, может сложиться впечатление, что на планете наступил армагеддон. Фраза «на расстоянии вытянутой руки ничего не видно» здесь неуместна. Вытянута рука или нет, глаза не заметят разницы. А если упомянуть высокую влажность, температуру в диапазоне «не тепло, но и не холодно» и абсолютную тишину, то станет ясно, почему осенними вечерами на улицах деревень сложно встретить людей. Большинство старается закончить все дела засветло.

Несколько секунд Максим стоял и думал, что же делать дальше. Потом понял. Включил навигатор на телефоне. Умный гаджет определил местоположение, стрелочка на экране бодро указала направление.

За десять минут Макса дважды чуть не сбили. Наплевав на чистоту обуви, он спустился с дороги и пошёл по краю поля. Вскоре наконец-то различил первый Яблоневский фонарь. Дело пошло веселей.

Улица пустовала – сельчане сидели по домам. Макс открыл калитку нужного двора, подивился тому, что собачонка молчит, и постучал в дверь хаты. Только тогда сторожиха гавкнула из будки, но даже не вылезла – видно, ей тоже не нравилась погода.

– Максим, что случилось? С Катериной что-то? – В голосе послышалась тревога.

– Нет, нет, с Семёновной всё хорошо. Я по личному вопросу.

– Тогда проходи.

В сенцах сильно пахло чабрецом. Макс снял куртку и попытался разуться.

– Боты не снимай. Холодно, я печь сегодня не топила.

В доме была всего одна комната. В углу стояла кровать, на которой громоздились высокие подушки. Николаевна задёрнула шторы, закрыв «спальню».

Старуха указала на старый продавленный диван. Максим сел, почувствовал, как пружина впивается в зад, и немного передвинулся. Николаевна опустилась на укрытое вязаным покрывалом кресло и выжидающе посмотрела на гостя.

Бондаренко решил не тянуть.

– Антонина Николаевна, вы знаете, что я классный руководитель в одиннадцатом классе? Женщина кивнула.

– Ну... это хорошо, что знаете. – Максим улыбнулся. – Следующий классный час надо проводить, ребята тему запросили – нечистая сила в мифах и легендах славян. А я ведь не историк, не филолог, так что ничего почти не знаю. Может, вы мне поможете?

Бабка неожиданно разозлилась:

– А с чего ты решил, что я что-то ведаю про нечистую силу? Институт закончил, а туда же – веришь всему, о чём люди болтают!

Максим понял, что разговора может не получиться:

– Да ничего такого! Что вы, я не верю ни в какие сплетни. Просто обратился к нынешнему директору, она мне дала кое-какую литературу, но научную, сухую, ребятам не понравится. А вы человек серьёзный, опытный, люди к вам со своими проблемами приходят. Лечение травами даже традиционная медицина признаёт. Не магия, а наука. Я, как биолог, всегда это утверждал.

При этих словах женщина кивнула и немного подобрела:

– Тут ты прав, хлопец. Ещё век назад люди знали, что травницы и знахарки не имеют ничего общего с колдунами. А сейчас всех скопом под одну гребёнку.

Макс, ободрившись, продолжил:

– Хочется чего-то с местным колоритом – для детей это будет ближе, чем западные ужастики. Неужели никто ни разу не рассказывал вам какую-нибудь странную историю? Про русалок? Или про упырей, например? – На последней фразе голос слегка дрогнул.

Антонина Николаевна молчала с минуту. Когда Максим решил, что ничего вызнать не получится, женщина заговорила.

* * *

– Тонька, зараза! Хватит дрыхнуть! Мамка твоя уже до околицы дошла, наверное!

Девочка кубарем скатилась с чердака и выскочила из сарая. Тётя Лида воинственно указала на калитку:

– Беги скорей. Хоть поможешь ягод насобирать!

Тоня протёрла кулачками глаза и, толком не проснувшись, побежала.

– Подожди, окаянная. На. – Тётка протянула племяннице узелок. – Там бульба вчерашняя, Олеся поесть забыла взять. Да обуйся, в лес идёшь, а не на гули.

Девочка послушно вернулась в сарай, обула старые босоножки, доставшиеся от старшей соседки, и понеслась на улицу.

Солнце только встало, небо ещё было окрашено в розовато-оранжевый цвет, но деревня уже не спала – кто-то с косой спешил на луг, кто-то выгонял со двора корову, чудом уцелевшую во время оккупации, а кто-то правил крышу сарая, весело стуча молотком. В основном женщины – не у всех мужья успели вернуться с войны. А кому-то, как маме и Тоне, ждать было уже некого.

Утренняя прохлада и торопливый бег помог ребёнку проснуться окончательно. Она злилась на маму, ведь та обещала взять её с собой.

Тонечка увидела далёкую тонкую фигуру, уже выскочив за последний деревенский огород.

– Мама! Мама-а! – И припустила ещё быстрее. Ножки поднимали дорожную пыль в воздух, сердце торопливо стучало в груди. – Мамка!

Фигура вдалеке остановилась и обернулась. Тоня тут же забыла про обиду.

Запыхавшись, девочка подбежала к матери.

– Ты. Почему. Ушла. Без меня? – Дыхание было прерывистым, поэтому вопрос прозвучал не по-детски строго.

– Ты так крепко спала, доча, что не хотелось будить. – Мама отбросила светлую чёлку со лба и улыбнулась.

– Зря. Мне семь лет, я не маленькая уже. Представляешь, сколько ягод мы вдвоём соберём? – Тоня протянула узелок. – Тут тётя Лида обед передала.

– Так это Лидка тебя подняла? – Улыбка погасла, но лишь на мгновение. – Ладно, солнышко. Вдвоём и вправду веселее.

Да, Тонечка и вправду была взрослой. Она прекрасно понимала, что тётя Лида, хоть и кричит иногда, очень хорошая, ведь она их приютила. Год назад немцы бежали от советской армии, но не поленились задержаться в «Ленинской заре», согнать всех жителей в большой амбар и поджечь здание. Остальные дома тоже сожгли без жалости. Бабушка и две старших сестры погибли. Маму и Тоню спасла рыбалка – когда женщина и девочка, увидев дым, прибежали в деревню, их встретило огромное пустое пепелище.

Мама раскапывала ещё тлеющие головешки и выла, как зверь. Тонечка тоже плакала, но очень тихо – боялась ещё больше расстроить маму. Только через сутки женщина пришла в себя.

Троюродная сестра отца жила в соседней Яблоневке. У неё было четверо детей, все ютились в двух комнатах, но тётя Лида даже не задумалась, давать ли кров дальним родственникам. Олеся, как могла, платила за доброту – хлопотала по хозяйству, присматривала за детьми, начитывала заговоры на здоровье и семье, и живности. Тонечка тоже не отставала, всю зиму штопала одежду и подметала полы.

Взрослый ребёнок прекрасно понимал, что гости, живущие в доме почти год, в тягость. Всё чаще тётка намекала, что погостили, но пора и честь знать. Мама тоже переживала, но пока идти было некуда.

Сейчас девочка держала мать за руку, в небе заливались жаворонки, светило по-утреннему ласковое солнце, и думать о грустном совершенно не хотелось. А хотелось думать о чернике и землянике, которые их поджидали, да о чабреце, росшем на опушке. Зимой из ароматных цветков мама заваривала вкусный чай.

– Кстати, у меня хорошие новости. Возможно, у нас будет своё жильё.

Тоня от радости подпрыгнула и взвизгнула:

– Какое? Где? Когда?

– Знаешь бабу Свету? Которая всегда, даже летом, в валенках ходила?

– Знаю.

– Она позавчера умерла. Из родственников только сын, который ещё в сорок втором погиб на фронте. Дом у неё добротный, сын перед самой войной ставил. Лидка с бабами деревенскими поговорила, те предлагают нам с тобой в ту хату переехать.

– Ура! Ой. – Тоня вдруг зажала рот руками. – Нельзя так сильно радоваться, человек ведь умер.

Мать в ответ лишь грустно улыбнулась.

– Мам. Давай из леса вернёмся и переедем сразу.

– Нельзя. Надо сначала у хозяйки разрешения спросить. Вдруг мы ей не понравимся? Тогда покоя в доме не будет.

– Как спросить? Она ж померла! – Девочка остановилась и возмущённо посмотрела на родительницу.

– Рано тебе знать ещё. Завтра похороны, сразу после них и спрошу.

– А-а-а, понятно. – Тонечка разочарованно пошла дальше. Потом хитро прищурилась и спросила: – А в твоих тетрадочках записано, как правильно спрашивать?

Олеся засмеялась и дёрнула дочь за косичку:

– Записано, не волнуйся. Всё узнаешь в своё время.

Записи рецептов лекарств и заговоров, которые начала собирать ещё прапрабабушка, всегда хранились в металлическом сундучке, под печкой, вдали от любопытных и атеистических глаз. Это их и спасло – знахарские дневники оказались единственным уцелевшим скарбом. Тоня давно заглядывалась на тетради и ветхие листочки бумаги, но никто посвящать её во взрослые тайны пока что не спешил.

Их встретил птичий гомон. Но, как только гости ступили под тень деревьев, стало абсолютно тихо – лесные жители присматривались. Спустя пару минут лес снова зажил своей жизнью и зашумел.

Поначалу девочка просто ела. Сочные ягоды словно сами запрыгивали в рот. Потом мама развязала узелок, Тоня умяла пару картофелин, голод поутих, и работа пошла.

Корзинка до краёв наполнилась черникой, когда солнце было в зените. Доев остатки завтрака, девочка и женщина пошли домой.

Часа через два Тонечка вскрикнула:

– Ой, мам, смотри! Родник! – Потом удивлённо добавила: – Мы же из него недавно пили. Мама не ответила. Она взволнованно смотрела на родничок и морщила лоб. Потом сказала:

– Это другой родник. Пойдём.

Через полчаса они стояли на том же месте и молча смотрели на ручеёк.

– Ма-ам?

Женщина подмигнула:

– Смотри-ка, сколько воды в лесу. Неудивительно, что здесь так хорошо деревья растут. – И незаметно для дочери заломила ветку на ближайшей ёлке.

Ещё через полчаса сомнений не осталось – они ходили кругами. Хоть темнота и должна была наступить нескоро, мать разнервничалась. Тоня держалась, но было видно, что девочка очень устала.

– Так. Давай отдохнём немного. Согласна?

– Ага. – Малышка тут же рухнула на траву. Мама опустилась рядом.

Тоня легла на спину и раскинула руки. Высоко-высоко, важно и неторопливо раскачивались верхушки деревьев. Хотя здесь, внизу, ветра не ощущалось совсем. По синему небу плыли белые облака. Где-то вдалеке зачастил дятел, отбивая клювом птичье послание. Несмотря на гудящие от усталости ноги, девочке было хорошо.

Внезапно в небе ребёнок увидел лицо, вполне себе человеческое. Какой-то седобородый дед с длинными нечесаными волосами стоял за деревьями. Он был так велик, что ему пришлось согнуться, чтобы глаза оказались на уровне верхушек сосен. Тоне стало очень страшно.

– Мама, смотри! Какой-то злой великан за нами наблюдает!

– Где?

– Да вон он! Ой, исчез.

– Показалось тебе. – Мать заторопилась. – Так, хватит валяться, а то мы до дома к ночи не доберёмся.

Глава 11

Через полчаса даже Тоня поняла, что в лесу не может быть так много одинаковых родников.

– Мамочка, мы заблудились?

Олеся не ответила. Она напряжённо всматривалась в стену деревьев. Дочь притихла и проследила за маминым взглядом.

Он стоял, вальяжно привалившись к стволу сосны. Обычного, человеческого роста. Но несомненно именно его девочка видела полчаса назад – та же седая борода, те же всклокоченные волосы. Сейчас можно было рассмотреть длинную полотняную рубаху, подпоясанную верёвкой, и грубые тёмные штаны.

Дед оскалился. Олеся схватила дочь за руку, аккуратно поставила на землю корзинку с ягодами и шагнула назад. Дед не сделал ни одного движения, но как-то вдруг оказался ещё ближе – теперь он стоял, прислонившись к другому дереву. Женщина вытащила из кармана фартука ножик, полоснула себя по ладони, махнула в сторону жуткого человека, окропив землю кровью, что-то выкрикнула и побежала. Тоню она не отпустила, и девочка еле поспевала перебирать ногами. Сзади послышался жуткий хохот.

– Мама, это фашист? – Нацистских солдат девочка последний раз видела год назад, но до сих пор для неё это были самые страшные люди на свете.

Олеся не ответила. Она неслась, не разбирая дороги, и тащила за собой ребёнка. Зацепившись за какую-то корягу, девочка споткнулась. Мама подхватила Тоню на руки и побежала дальше.

Через несколько метров дорогу преградила яма, оставшаяся от снаряда. Женщина не успела затормозить, и беглянки кубарем скатились вниз.

– Что тебе надо? Ягоды я отдала! – В истерике закричала Олеся.

Странный дед, сидевший на краю ямы, молча указал пальцем на Тоню и снова оскалился.

Олеся опять достала нож, торопливо начертила круг, впихнула в него дочь и запрыгнула сама. Бородатый человек злобно зашипел, через миг оказался рядом с чертой и закружил вокруг.

– Раздевайся!

– Мама?

– Раздевайся, я сказала! – заорала мать и рывком сняла с дочери платье.

Тоня испуганно заплакала.

– Не бойся доча, не бойся. – Женщина вывернула платье наизнанку и тут же натянула его на ребёнка. Из глаз матери текли слёзы. – Теперь снимай обувь.

Девочка покорно разулась.

– Обувай правую босоножку на левую ногу, и наоборот.

– Зачем?

– Быстрее!

Трусики мама тоже заставила снять, вывернуть и надеть.

В тот же миг дед пропал.

– Мама, он исчез?

– Он здесь, доча, просто ты его не видишь. И он тебя, слава богу, тоже.

Говоря это, Олеся сама раздевалась и выворачивала одежду. Застегнув обувь, посмотрела диким взглядом вокруг и расплакалась. Села на землю и обняла дочь.

Просидели так очень долго. Женщина явно боялась покинуть круг. Тоня ничего не спрашивала – чувствовала, что мама ничего не ответит. Как тогда, на пепелище. Только когда в лесу стало темнеть, они решились выбраться из ямы. И пошли, не разбирая дороги. Меньше,

чем через десять минут лес кончился, Тонечка с удивлением увидела ту же дорогу, по которой они пришли в лес.

Тётя Лида нахмурилась, когда поняла, что ни ягод, ни корзины нет. Но увидев, как одеты и обуты родственницы, лишь ахнула и покачала головой. Уже ночью, в сарае на чердаке, когда мама и дочь лежали, обнявшись, Олеся объяснила, что водил их по лесу леший. И что если бы не всплыла в памяти запись из старой тетради, нашли бы мать повешенной на каком-нибудь дереве, а дочку не нашли бы никогда.

Наутро Тоня была допущена к «конспектам».

* * *

– Вот так. Может, и не было ничего – столько лет прошло, могла и перепутать что-то. Детским воспоминаниям не всегда надо верить. Да и мать никогда не напоминала об этой истории. Может, за нами гнался бандит какой, а я по малолетству напридумывала.

Женщина стряхнула с колен несуществующую пыль, замолчала и уставилась куда-то невидящим взглядом. Наверное, в прошлое.

Молчал и Максим – он лишь недавно смирился с существованием вампиров, а тут раз – и новая история. С совершенно другими персонажами. Очень хотелось думать, что маленькая Антонина Николаевна действительно обладала буйной фантазией.

– Спасибо за историю. Как раз что-то такое я хотел рассказать детям. Можно?

– Не говори только, что это про меня.

– Конечно, Антонина Николаевна. – Бондаренко встал. – Ну, я пойду?

– Погодь. – Старуха с оханьем поднялась с кресла и подошла к шкафу. Порылась и достала толстую, в чёрном клеёнчатом переплёте тетрадь.

– Дать не могу. Здесь читай. Есть у меня про нечистую силу кое-что. Не много, но малым может быть интересно.

Макс взял тетрадку, мысленно молясь, чтобы там была нужная информация, потому что выпрашивать остальные записи не хотелось. Сел назад и стал листать порыжевшую от времени бумагу.

Записи были бессистемные. На первой странице подробное описание зверобоя – как узнать, когда собирать, как заготавливать. Как принимать и кому нельзя использовать. На второй – банный заговор от «мужского бессилия». На третьей – краткое описание бабая и способы борьбы с ним, классификация русалок и лекарственные свойства крапивы двудомной.

Взгляд выхватывал заголовки, цеплялся за совсем уж странные, вроде «отравы плода», но Максим не задерживался на тексте, а искал дальше. Записи велись аккуратным, круглым, понятным почерком, правда, строчки тесно прижимались друг к другу – видимо, пишущий старался в тетрадь запихнуть как можно больше информации.

Где-то в середине тетради почерк изменился. Стал более острым, торопливым – в какой-то момент записи стал вести другой человек. А через несколько страниц попала подчёркнутая фраза: «Защита от упырей, костомаров и прочей нежити».

Биолог немедленно погрузился в чтение.

* * *

Автобус неспешно крался по тёмному шоссе. Шипел, фыркал и дребезжал. Салон был полупустым, все пассажиры – знакомые. Марина кивнула двум восьмиклассникам, с улыбкой помахала дяде Степану и ушла на заднюю площадку.

– Здравствуйте, Ольга Васильевна.

Та, кого на должности директора заменили упырихой, посмотрела поверх очков, улыбнулась и похлопала ладонью по соседнему креслу. Марина уместилась на предложенное место.

– Здравствуй, Сычкова. Куда это ты на ночь глядя?

– Да вот, мама попросила в город съездить, в магазин.

То, что она сама уговорила родителей дать денег и отпустить на пару часов, девушка решила не рассказывать. Из-за последних событий девушка всё время нервничала, поэтому решила хоть немного расслабиться. А шопинг – лучшее для этого средство. Марина хотела побродить по магазинам в толпе незнакомых людей, посмотреть, померить, подивиться ценам. Может, и купить что-нибудь бесполезное, но милое сердцу. Зайти в какое-нибудь маленькое кафе, выпить горячего шоколада. Это в деревне сейчас поздний вечер, а в городе только начинает бурлить жизнь.

– А вы куда едете? – Марину на самом деле совершенно не волновали планы бывшей учительницы, но вежливость предполагала поддержание разговора.

Ольга Васильевна фыркнула и весело ответила:

– Решила молодость вспомнить. Призрака еду ловить.

Марине внезапно стало интересно:

– Это как?

– Подруга позвонила, сказала, что у них женщина странная повадилась приставать к жильцам. Утверждает, что в подъезде привидение живёт, предлагает всем неравнодушным сдать деньги на «чистку». Вот Татьяна и попросила приехать, проверить.

– А вы что? – Марина округлила глаза и шёпотом спросила: – Экстрасенс?

Старушка засмеялась.

– Ты что, деточка, нет, конечно. Я не верю в магию. Просто по молодости увлекалась фольклором, собирала всякие странные истории, и современные, и уходящие корнями в давние времена. Систематизировала, обобщала, классифицировала. Правда, в то время подобный подход никого не интересовал, так что это было вроде как хобби.

Бывшая директриса поправила очки и продолжила:

– Про привидений у меня много информации накопилось. Ещё много лет назад я вычленила общее для всех историй, отбросила совсем уж неправдоподобное, так что безо всякой экстрасенсорики могу определить, живёт у Татьяны в подъезде привидение или нет. – Ольга Васильевна подмигнула. – Естественно, никого там нет. Но если приеду я, с конспектом, и по пунктам, при жильцах, исключу мистику, мошенница уйдёт ни с чем. По крайней мере, мы с подругой на это надеемся.

Сычкова не могла поверить удаче. Вот так, запросто, найти человека, который может помочь – что может быть лучше?

– Ольга Васильевна, а вы только про призраков знаете?

– Не только. Интересуешься?

– Да так... А расскажите что-нибудь, пока едем.

Женщина достала из ридикюля блокнот:

– Вышла на пенсию, много времени появилось, решила довести до ума собранную за всю жизнь коллекцию. Перепечатаваю информацию, заново в компьютер, только до этих записей не добралась ещё. Здесь много забавного.

Ольга Васильевна полистала блокнотик, нашла интересующую страницу и зачитала:

– Следует разделять нежить и нечисть. Нежить – это умерший человек, восставший уже после отделения души. То есть, имеется пустая оболочка, которая начинает чудить либо сама по себе, либо становясь пристанищем для какой-нибудь нехорошей сущности. И нечисть – можно сказать, противоположное понятие. Испорченная душа, которая не может найти покой или переродиться, как полагается. Испортить душу можно по-всякому – поведением самого человека при жизни, порчей, тяжёлой болезнью, какими-то неприятными обстоятельствами.

Автобус остановился, открылись двери. На заднюю площадку ввалилась компания нетрезвых подростков. Громкие, агрессивные. Через миг двое из них стали приставать к восьмиклассницам, которые, покраснев, старались делать вид, что ничего не слышат и не видят. А несколько парней нависли над Ольгой Васильевной и Мариной. Не обращая ни на кого внимания, пьяные детишки стали громко обсуждать каких-то своих знакомых, лузгать семечки и сплёвывать шелуху прямо под ноги пассажирам. Дядя Степан сделал замечание, но в ответ получил поток грязной брани, скукожился и отвернулся к окну.

Ольга Васильевна молчала, лицо её стало жестким и недовольным. Она убрала блокнот в сумку. Один из парней уставился мутным взглядом на Марину.

– О, я тебя знаю. Ты из Красносельской школы. Говорят, ваши девки всем подряд дают?

Марина не ответила. Ей стало страшно, страшнее, чем при просмотре видео с упырем в главной роли.

– Чё молчишь, э? Давай с нами! – При этих словах парень перегнулся через учительницу и схватил девушку за грудь. Его друзья одобрительно заржали. Ольга Васильевна оттолкнула руку нахала.

– Э? Чё руки распускаешь, кошёлка старая?

Женщина ничего не ответила, просто посмотрела молодчику прямо в глаза. Тот в гляделки играть не пожелал, как-то сразу съёжился и побледнел. Марине показалось, что парень даже протрезвел слегка.

– Пацаны, я забыл кое-что на остановке. Эй, водила! Останови, мы выйдем! – Его друзья ничего не поняли. А вот водитель остановил сразу, как только настороженная кондуктор постучала в окошко и повторила прозвучавшую просьбу. Гомоня, пьяная компания вывалилась из автобуса. По салону пронёсся еле слышный общий вздох облегчения.

– А чего это он? – У Марины зуб на зуб не попадал.

– Да ничего. Узнал меня. Я его родителей хорошо знаю, хоть и не учились у нас в школе. Наверное, испугался, что расскажу о его поведении.

– А-а-а, понятно.

Теперь разговор не клеился. Сычкова искала способ вновь поднять тему сверхъестественного, мысленно насылая проклятия на головы помешавших сверстников. Помогла ей сама пенсия.

– Как-то плохо всё стало на селе. Раньше столько не пили, тем более, дети. – Женщина покачала головой, потом оживилась: – А ты знаешь, кого народ винит в алкоголизме? Опивня! – Она наставительно подняла палец. – Такой маленький, мерзкий бесёнок со свиным рыльцем, насильно людей спаивает.

– Да, человек в своих бедах всегда старается обвинить других, существ, пусть даже и вымышленных. – Марина решила больше не ходить вокруг да около. – Ольга Васильевна, а у вас есть что-нибудь о вампирах?

– Есть. А тебе зачем? Я надеюсь, ты не вступила в какое-нибудь глупое сообщество?

– Нет, что вы. Просто недавно читала повесть Толстого, про упырей. Там совершенно не то, что в современных книгах и фильмах про вампиров рассказывается. Хочется узнать, где истоки подобных историй, что больше на правду похоже.

Ольга Васильевна сняла очки, достала из кармана пальто носовой платок и стала протирать линзы.

– Вот всегда знала, что не пропадёшь. Такие вдумчивые дети обычно больших высот в жизни добиваются. И мама твоя такая же была, жаль, замуж рано вышла. А тебе советую не спешить – выучись сначала, добейся чего-нибудь, а потом уже семью заводи.

Сычкова смутилась и буркнула:

– Я и не собираюсь пока замуж.

– И молодец. А по твоему вопросу – есть у меня об упырях, и довольно много. И больше тебе скажу – как раз несколько месяцев назад переработала информацию, и перепечатала. Так что если очень надо...

– Очень! Очень интересно, в смысле.

– Так вот. Если надо... – Ольга Васильевна порылась в сумке, достала ручку и записную книжку, – скажи мне свой электронный адрес, я, когда вернусь, всё письмом тебе отправлю.

Марина продиктовала. Ей уже не хотелось ехать в город. Было дикое желание вернуться домой, сесть возле компьютера и ждать письма. Но это было бы глупо – ведь Ольга Васильевна окажется в Красноселье не раньше, чем через несколько часов, значит, е-мейл вышлет ближе к ночи. А то и утром. Если не забудет, конечно.

Глава 12

Максима разбудил телефонный звонок. Спросонья нажал на кнопку отмены, думая, что это будильник. Потом посмотрел на время – до подъёма было ещё полтора часа. Звонил Коваль. Если учесть, что заснуть учитель смог только глубокой ночью, мальчишка был послан далеко и со вкусом, правда, мысленно. Но потом подумалось, что что-нибудь случилось с девочкой, и преподаватель спешно перезвонил.

– Кхе, кхе, Максим Андреевич, я тут приболел немного. Можно, отлежусь дома денёк? Мать в курсе. – Парень говорил дрожащим, слабым голосом, но достаточно громко. Потом шёпотом торопливо добавил: – Максим Андреич, я матери сказал, что заболел. Хочу дома остаться, чтобы в Сети порыться, ну, по нашим делам. – И снова громко и несчастно: – Да, конечно, надо бы к врачу, но сегодня не смогу в район съездить, температура высокая. А на ФАП позвоню, да.

– Слава, ты что там выдумал? Не надо нигде рыться! Я уже отрыл, то есть, нарыл, тьфу! Нашёл информацию, так что дуй в школу, после уроков всё обсудим!

Внезапно кое-какая мысль пробилась сквозь сонливость, и учитель добавил:

– погоди. Мать работает сегодня?

– Да.

– Ладно, сиди дома, только не уходи никуда.

По собственному опыту зная, что женщинам нужно гораздо больше времени по утрам, чтобы собраться на работу или учёбу, преподаватель решил, что минут через пятнадцать можно звонить Сычковой. Ему этой четверти часа хватило с лихвой, чтобы окончательно проснуться, привести себя в порядок и приготовить завтрак.

Когда он шёл с кофе и бутербродами к себе в комнату, в зал вышла заспанная Семёновна. Бабуля удивлённо пожелала квартиранту доброго утра и спросила, не случилось ли чего – обычно мужчина вставал гораздо позже.

Макс успокоил старушку и закрыл за собой дверь.

Впереди было самое сложное – позвонить начальству и попросить отгул по личным обстоятельствам. За всё время работы в школе Бондаренко отпрашивался лишь один раз, а больничные вообще не брал. Так что директор не должна была сопротивляться. К тому же урок биологии сегодня планировался только в девятом классе, а написанные вчера документы лежали на столе в учительской.

Елизавета Александровна оказалась не очень довольна просьбой. Но не стала спрашивать, что за обстоятельства вынуждают подчинённого пропустить рабочий день – она никогда не была любопытной. Надо, значит, надо. Попросила только переслать по электронной почте план урока.

Бондаренко одним глотком допил кофе и набрал следующий номер.

– Марина? Доброе утро. Не разбудил?

– Здравствуйте. Нет, не разбудили.

– Слушай внимательно. – Максим несколько секунд помолчал, борясь с совестью – то, что он собирался предложить девушке, не одобрялось педагогикой. – Собирайся, как обычно, но в школу тебе не надо ехать. Иди к Вячеславу, он будет дома. Только постарайся, чтобы тебя особо никто не видел.

– А вы?

– Я тоже приеду.

– Вы что-то нашли?

– Вроде того.

– Ой, Максим Андреевич, я не могу!

– Глупости. Один раз прогулять школу можно, это я тебе, как классный руководитель говорю.

– Не в этом дело. – Девушка понизила голос. – Я не одна в школу езжу, а с Глебушкой. Куда я его дену?

Максим задумался. О младшем брате он забыл. Ребёнка посвящать в их тайны точно не стоило.

– Я придумала! У нас математика первая, на урок приду, а минут через пятнадцать мне вроде как плохо станет, отпрошусь домой. – Марина тяжело вздохнула и продолжила: – У меня в последнее время такой жуткий вид, что поверят сразу.

– Тогда и я попозже подъеду, к девяти.

Славе учитель решил не звонить, просто послал сообщение: «Сиди дома, мы с Мариной будем после девяти». Часы показывали только полвосьмого утра, поэтому Макс зашёл в сеть, ответил на несколько писем, почитал комментарии в своём блоге, пролистал новости – просто, чтобы хоть немного отвлечься. На улице стало светлеть – унылый ноябрьский рассвет неохотно приветствовал новый день.

* * *

«Первые годы упырь находится в зоне риска. День он проводит в своей могиле, а ночью выбирается. Поначалу вообще приходит домой, приводя в ужас домочадцев, садится за стол, пытается есть человеческую пищу, но она ему не даёт ощущения сытости. На этом этапе большинство упырей уничтожается окружающими. Как только голод достигает апогея, существо убивает свою первую жертву – животное или человека, и с этого момента его главной целью становится охота на живых. Поскольку душа после смерти покидает тело, вурдалак отличается отсутствием совести, каких-либо привязанностей и прочих эмоций».

– Социопат, короче.

– Славк, не мешай! – Марина возмущённо посмотрела на родственника и продолжила:

«Чем больше крови пьёт тварь, тем сильнее становится, но при этом постепенно теряет сходство с человеком, как внешне, так и внутренне. Через пятьдесят лет вампир избавляется от остатков адекватности, забывает об осторожности, его находят люди либо другие упыри и убивают».

– Не понял. У них своя полиция нравов, что ли?

– Тут ничего такого не написано.

– Ладно, читай дальше.

«Неизвестно, как общаются вампиры между собой. Но если в первые пятьдесят лет кто-то объяснит, как жить дальше, чудовище становится более осторожным. Кровь пьёт достаточно редко, людям на глаза не попадает. Лет через сто упырь получает иммунитет к солнечному свету. Расплата – ярко-красный цвет лица. Такого старого вампира можно вычислить лишь по отвратительному трупному запаху – в остальном они прекрасно маскируются под обычных людей».

Сычкова подняла глаза:

– Тут в скобочках написано – смотри историю про минского вампира-инженера.

– Маруся, давай истории потом читнём? Сейчас это не важно.

– Как скажешь. – Марина снова углубилась в текст.

«Лишь иногда нежить теряет осторожность – когда находит особенную жертву».

Голос девочки дрогнул. Она помолчала, вздохнула и храбро продолжила:

«Критерии отбора непонятны, но ясно одно – вампир довольно долго приходит к выбранному человеку, тянет из него не только кровь, но и жизненную энергию. Жертва постепенно слабеет и в итоге умирает от истощения».

Всё-таки девушка не выдержала. Отшвырнула распечатку, закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Славка сжал кулаки, потом встал, подошёл к Марине, сел рядом на корточки, тронул за колени. Девушка опустила руки и попыталась улыбнуться. Получилось плохо.

– Мань, я тебе обещаю. Лично, сам её убью.

Звонок в дверь не дал Марине ответить. Слава ушёл открывать, но почти сразу вернулся.

– Андреич пришёл. Раздевается. Наконец-то нормально перетрём и добазаримся, что дальше делать.

* * *

Накануне вечером, когда Николаевна на минутку вышла, Макс сфотографировал нужные записи на телефон. Бывшая директриса, чьё увлечение оказалось неожиданным, но таким нужным, ещё вчера прислала Сычковой очень подробное описание вурдалаков. Теперь компания сидела на Славкиной кухне и сравнивала тексты, обсуждала, пыталась выработать какой-нибудь внятный план по избавлению от упырихи. В печке весело трещал огонь, в чашки был налит горячий крепкий чай с малиновым вареньем, на столе в блюдечке лежали крекеры. Тепло, уютно, безопасно. Сейчас история с кровососом казалась дурным сном или порождением чьей-то больной фантазии.

«Это всё какое-то коллективное помешательство. Мы сидим, обсуждаем способы убийства. А если это всё же обычный человек? Просто психически больная женщина». – Максим думал так, всё больше ужасаясь создавшейся ситуации.

Тут Марина подтянула рукав свитера и, не глядя, почесала руку. Как раз в том месте, где налился знатный синяк от «поцелуя». Всякие мысли об обычных маньяках сразу выветрились из головы.

Глава 13

– Что мы имеем? Упырь пьёт человеческую кровь для поддержания собственного существования. Способен контролировать разум людей и животных. Может летать. Похоже на нашу зверушку? – Макс вопросительно посмотрел на учеников.

– Не то слово.

– Ладно, будем считать, что с видом мы определились. Хотя класс, отряд, семейство существа вычислить будет сложно.

Славка захохотал, Марина тоже заулыбалась. Бондаренко добился, чего хотел, напомнив о недавнем домашнем задании по биологии. Дети немного расслабились.

– Теперь дальше. – Макс заглянул в телефон, чтобы кое-что уточнить. – Как появляется вурдалак? Если человек умрёт какой-то жуткой, чаще всего насильственной смертью, и похоронят его не по обряду, то душа покинет тело до того, как это тело поймёт, что мертво. Оно начнёт бродить по земле, пытаясь функционировать, как и раньше.

– Ясно. Значит, нашу Крокодиловну сбила машина, водитель по-тихому спихнул труп в канаву, она там полежала, встала, и пошла на работу? – Коваль громко отхлебнул из чашки.

– Славик, не тупи. Тебе же сказали – тело должны похоронить, то есть, закопать. Если Крокодиловну просто где-то убили и бросили, упырь не получился бы. И ещё. – Марина пошуршала распечаткой. – Крокодиловна очень старый вампир, если верить записям Ольги Васильевны. Забыл? Пятьдесят лет, плюс сто... Она в исполкоме работает! Днём, а не ночью!

– Да понял я, понял, не ори.

– Спокойно, ребята. Вам не кажется, что как именно... – Макс помялся, но так и не смог подобрать подходящий термин, – родился упырь, совершенно неважно? Мы должны решить, что делать.

– Я знаю. Для начала нужно обвешаться серебром. – Слава, наконец, допил чай и забросил в рот пару крекеров.

– Зачем? У Ольги Васильевны написано, что серебро, святая вода и кресты на них не действуют!

– Подожди, Марина. Слава в чём-то прав. У Николаевны информации намного меньше, конечно, но сказано, что серебро спасает человека от вурдалачьего магнетизма. Как я понимаю, имеется в виду этот её гипноз и то, как она тебя к себе призывает.

Марина при этих словах поёжилась.

– А я о чём? Маня, ты вспомни, как она нас допрашивала! Все, буквально все выкладывали то, что она хотела знать. Да ты сама тоже.

– Точно. – Сычкова подозрительно посмотрела на кузена. – Кстати, на тебя ведь вроде не подействовало. Ты тогда бахвалился, что ничего не рассказал. Врал?

– Не-а. Но знаю, в чём затык. Во! – Парень оттянул ворот футболки и вытащил из-под одежды массивную цепочку с кулоном, изображавшим миниатюрную обнажённую женщину в зазывной позе. – На китайском сайте заказывал. Серебро.

Максим взял телефон, открыл органайзер и первым пунктом записал:

«Серебряные украшения».

– У Николаевны есть полноценный обряд. Только он нам вряд ли подойдёт. – Макс вернулся к отрывкам колдовской тетради. – Здесь сказано, что нужно взять вороного коня, пустить по кладбищу, на какой могиле он остановится – там и спит упырь. Вскрыть могилу, вбить осиновые колья в голову, грудь и «причинное место». Перевернуть труп лицом вниз и придать захоронению первозданный вид. Даже если упырь когда-нибудь оживёт вновь, он будет рыть внутрь, а не наружу, и никогда не освободится.

Слава пригорюнился:

– Знать бы, на каком кладбище наша упыриха закопана.

– Может, она вообще в каком-нибудь лесу под берёзкой отсыпается?

– Марина, не переживай, есть ещё способ, правда, более трудоёмкий. Нужно облить упыря отваром специальных трав, тут список есть и рецепт приготовления. В таком состоянии его сдержит даже обычная верёвка, правда, недолго. А пока он, то есть она, будет слаба, берём осиновыя колы и втыкаем в места, описанные ранее. Потом существо надо поджечь в месте силы и проследить, чтобы оно сгорело полностью. Пепел развеять по ветру.

– Место силы, ну конечно. Можно подумать, у нас их здесь завались. А если просто швырнуть в тварь канистру с бензином, а потом зажжённую спичку?

– Слава, она очень быстро перемещается. Скорее, ты подождёшь округу, а не Инессу Геннадьевну.

– Косяк. – Парень почесал кончик носа. – Маня, а у Ольги Васильевны об этом что-нибудь есть в записях?

– Есть. – Марина заправила прядь волос за ухо и зачитала – «В способах борьбы с вампиром лидирует осина. Упоминание этой древесины встречается во всех историях, связанных с данными существами. В одних случаях – заострённые колья, которыми протыкают жизненно-важные органы, в других – осиновыя рощи. В некоторых источниках говорится, что осина – дерево-вампир, оно поглощает энергию, и именно тёмную, «нечистую». Соответственно, упырь не может в таком месте в полной мере воспользоваться своими способностями. Солнечный свет способен помочь, но, судя по всему, только в борьбе с неопытной нежитью. Огонь тоже упоминается в большинстве легенд. Есть специальные травы, в правильных пропорциях действующие так же, как и вышеупомянутое дерево. Вот один из вариантов приготовления подобного зелья».

– Подожди, Марина. Покажи рецепт. – Макс взял в одну руку телефон, в другую лист бумаги, и стал сравнивать.

– Идентичны. Не удивлюсь, если Ольга Васильевна когда-то переписала это именно у Антонины Николаевны. На, читай дальше.

– «Концовки подобных баек и легенд и похожи, и не похожи одновременно. В большинстве историй имеется проточная вода, которая подпитывает живых, осина либо её аналоги, солнечный свет либо огонь. Но вот очерёдность действий, комбинация их и итог обычно разнятся. Невозможно описать какой-то определённый алгоритм. В большинстве историй, записанных мною за последние сорок лет, фигурируют одни и те же места. Можно предположить, что это и есть мифические «места силы».

– Так. Ольга Васильевна здесь давно живёт. – Слава вскочил и возбуждённо заметался по кухне, подбросил поленьев в печку, закрыл, потом снова открыл форточку. – Значит, может знать тутошные места силы! Как у неё только списочек выпытать?

– Не надо ничего выпытывать. Включи мозг. Вспомни, куда нам в детстве ходить запрещали, бабаем пугали?

Коваль замер:

– Маруся, ты гений! Посидите чуток. – И торопливо выскочил из кухни.

Макс и Марина удивлённо переглянулись.

Бондаренко осторожно спросил:

– Слава всегда был таким импульсивным?

– Не то слово. Однажды в детстве, посмотрев мультик «Остров сокровищ», решил стать пиратом. Неделю таскал у соседки штaketник и вязал плот у речки, тайно, даже мне не сказал. А потом сел на этот плот и поплыл по реке, «к морю». У самого города поймали. Его отец тогда ещё с ними жил, выпорол от души.

Макс рассмеялся:

– Да, Коваль молодец. Ребёнком построить плавсредство, которое не тонет! Я бы и сейчас не смог.

– Максим Андреич, идите сюда!

Учитель и Марина поспешили на голос.

В дальней комнате, которая, судя по беспорядку, являлась его собственной, Славка ждал возле компьютера. Как только учитель и Сычкова зашли, парень ткнул пальцем в монитор и завопил:

– Вот вам всё Приречье – четыре села и окрестности. А вот то самое место!

На экране была развёрнута спутниковая карта. Палец показывал на реку, которая петлёй охватывала четыре деревни, включая Красноселье и Яблоневку.

– Не видите? Сейчас приближу.

Стали видны даже огородные грядки.

– А сейчас?

– Ну, деревья на берегу.

– Это не просто деревья! Это осины! На берегу реки осиновый лесок! Там больше вообще никаких деревьев не растёт! Прикиньте? Холмик такой, небольшой, сверху деревья, и пляж песчаный, очень удобный. Но там никто не купается из местных, только приезжие. И постоянно кто-то тонет по пьяни. Бывало, и вешались люди, прямо на деревьях. В детстве не разрешали туда бегать, говорили, место нехорошее.

– погоди, – деревянным голосом сказала Марина. – Мне позвонить надо.

Девушка достала телефон и набрала номер. Ответили не сразу.

– Ирка? Привет. Да-да, получше, завтра приду. Я тебе по делу звоню. Помнишь, ты бородавки сводила? Где тебе Николаевна сказала яблоко закопать? Серьёзно? – Девушка сделала большие глаза. Мужчины всё поняли. – Надо. Потом расскажу. Честно расскажу. Всё, Ир, пока, лекарство надо принять.

Убрала телефон в джинсы и улыбнулась:

– Марушкина ритуалом лечилась. Делалось всё в роще.

– Да мы уж поняли. Ты лучше скажи – ритуал помог?

– Слава, сейчас-то какая разница? – Марина покрутила пальцем у виска.

Юноша пожал плечами.

– Интересно просто.

– Помог. Все бородавки за неделю сошли.

Внезапно у Сычковой в кармане запиликало.

– Да? Здравствуйте, Ольга Васильевна.

Вячеслав стал размахивать руками и дёргать кузину за рукав. Марина показала ему кулак.

– Очень интересно, с удовольствием почитала. Я бы на вашем месте завела блог и там выкладывала всё самое интересное. Думаю, читателей была бы уйма.

Что ответила пенсионерка, парни не слышали, а Марина весело засмеялась:

– Конечно, я понимаю. Но вы сами всегда говорили, что учиться никогда не поздно. Да, спасибо большое, было очень познавательно. Если хотите, я как-нибудь приду, помогу разобраться с социальными сетями. До свидания.

Зашипевший Славка со всей дури пнул подругу по ноге. Та лягнула его в ответ, торопливо крикнув в трубку:

– Ольга Васильевна, подождите! Забыла совсем! Хотела спросить – а что за «места силы» такие?

Потирая ушибленное место и с упрёком глядя на Ковалю, девушка опустилась на кровать.

– Ага, угу... Ясно. Понятно. Да вы что? Прямо здесь? А где? – Схватив со стола ручку, Марина стала писать на обоях. Слава снова хотел её треснуть, но Макс остановил порыв. Парень обиженно засопел.

– Очень познавательно. Так жалко, что вы со школы ушли! Да, я понимаю, конечно. До свидания.

Девушка убрала телефон, торжествующе посмотрела на сообщников и ткнула пальцем в стену:

– Перекрёсток возле старого кладбища. Центр Подзелёнок, возле колодца. Старые панские конюшни и заброшенный яблоневый сад. И, внимание, осиновая роща!

– Я рад. Только как мамке твои художества объяснить? Мы год назад ремонт сделали, меня убьют!

Марина только отмахнулась:

– Постером завесишь.

– Ладно. Предлагаю вернуться на кухню и закончить разговор там. – У Максима в голове уже сложился достаточно чёткий план действий. Оставалось обсудить его с ребятами и разобраться с некоторыми деталями.

До воскресной ночи оставалось всего ничего.

Глава 14

Субботним утром поднялся сильный ветер, который за несколько часов высушил землю, очистил небо и прогнал туман. Ближе к вечеру впервые за последний месяц почувствовалось дыхание подступающей зимы – температура упала сразу на пять градусов.

Славка в который раз мысленно обругал себя за то, что не взял перчатки – в руках парень держал пластиковую литровую бутылку с зельем, и пальцы уже порядком замёрзли. Ещё утром Коваль пробил отверстие в пробке – получилось самодельное устройство, отдалённо напоминавшее водяной пистолет.

Они с биологом сидели в засаде во дворе заброшенного дома, в котором Максим Андреевич застукал упуриху. Марину, хоть та и сопротивлялась, заставили обвешаться серебряными цепочками, кольцами и оставили дома – девчонка и так натерпелась, не стоило ей ещё и в сверхъестественную драку ввязываться.

Около одиннадцати вечера Вячеслав и учитель пробрались на старый двор и заняли позиции справа и слева от калитки. Заранее приготовленной из чеснока кашицей обмазали одежду и лица. Бондаренко для верности пожевал несколько зубчиков, заставил то же сделать и ученика. Судя по прочитанным старушкиным инструкциям, аромат чеснока перебивал человеческий запах – был шанс, что Инесса Геннадьевна просто не учует их под таким стойким амбре.

Парень посмотрел на соратника – преподаватель подмигнул и переступил с ноги на ногу. Ждали они уже больше часа.

– А если эта выдра не явится?

– Явится, никуда не денется. Марина утверждала, что встречи с вампиршей проходили только здесь, по крайней мере, те, что она хоть немного помнит.

В руках Максим Андреевич держал такую же бутылку. Глядя на перчатки, Слава завистливо засопел.

– Замёрз?

– Да не, всё нормуль. – Славка шмыгнул носом. – Как думаете, чайк наш сработает?

– Не знаю, Слава, не знаю. Будем надеяться.

Зелье Максим Андреевич варил лично. Большую часть ингредиентов приобрёл в аптеке, но некоторые травы пришлось покупать у Николаевны. Та ничего не спрашивала, только предупредила, что белена достаточно опасное растение, и что стоит соблюдать осторожность при её использовании.

Славка же ходил с ножовкой в ту самую осиновую рощу на берегу реки, нарезал толстых сучьев, потом устроился в сарае и выгесал колышки. Когда Бондаренко увидел количество «оружия», которое притащил ученик, то смог лишь выдавить:

– Молодец, конечно, постарался. Но зачем столько-то?

– Как зачем? На всякий пожарный!

Колышки рассовали по карманам курток, да штук десять осталось лежать в рюкзаке, вместе с крепкой верёвкой и запасным литром снадобья.

– А зелье сил её лишит, или сознание заставит потерять?

– Тише ты, Коваль! Не услышим из-за тебя ничего!

– Молчу, молчу. – Слава поёжился и посмотрел на небо.

Полная луна презрительно глядела на будущее поле боя, удобно устроившись в партере – над крышей старой, покосившейся хаты. Её света и деревенского фонаря дальше по улице вполне хватало, чтобы рассмотреть детали обстановки. Оставалось дожидаться врага.

Слава никогда не отличался терпением, а последние полтора часа были для него просто пыткой. Когда он уже решил предложить наставнику перенести охоту на другую ночь, послышался звук мотора. Максим Андреевич приложил палец к губам и повернулся лицом к калитке.

Машина подкатила к забору и остановилась. Мотор заглох. Мягко хлопнула дверца, раздалась торопливые, еле слышные шаги. Макс удобней перехватил бутылку.

Слава сразу забыл о замёрзших пальцах. Адреналин ударил в голову, тело стало напоминать пружину. Никакого страха, только азарт.

Шаги внезапно стихли. Несколько секунд ничего не происходило. Потом что-то промелькнуло над тыном. Парни резко обернулись.

– Привет, личинки. Всё-таки нельзя было так долго тянуть с малышкой. Вот я и попала! – Последнее слово Крокодиловна произнесла певуче, с улыбкой. На месте глаз запыхало ярко-красное пламя – Если зимой пахнет чесноком, только дурак не поймёт, что рядом человекки прячутся!

– Здравствуйте, Инесса Геннадьевна, – брякнул Славка и нажал на корпус бутылки.

Тоненькая струйка антиупыриного отвара брызнула Инессе прямо в лицо. Вампириша зашипела и отшатнулась.

Максим Андреевич с яростным воплем метнулся к чудовищу, сжимая бутылку обеими руками. Упыриха попыталась взлететь, но получился лишь невысокий прыжок.

– Думаете, вы первые, кто решил на меня поохотиться? – Голос стал хриплым, низким, неприятным. Утирая лицо рукавом, упыриха, скрючившись, пятилась от парней. Те по широкому кругу обходили Крокодиловну с разных сторон.

– Ваши травки, как и святая вода, практически не действуют. Просто те, кто об этом знают, уже не могут рассказать. – С этими словами красноглазая тварь выпрямилась и с лёгким хлопком исчезла.

– Где? Где она? – Макс стал вертеться, ища глазами врага.

– Максим Андреич! Она сбежала!

– Не дождёшься. – Внезапно материализовавшись совсем рядом, всклокоченное существо в дорогом пальто схватило наставника за грудки и швырнуло его с нечеловеческой силой. Мужчина пролетел через весь двор, врезался спиной в полуразрушенный сарай, свалился на землю и затих.

– Максим Андреи-и-ич! – Заорал Славка. Ему наконец-то стало страшно.

Что бы ни говорила Крокодиловна, зелье сделало своё дело. Упыриха больше не растворялась в воздухе, летать не пыталась и бегала за парнем совсем по-человечески, хоть и очень быстро. Даже запыхалась немного. А Славка, наявивая круги вокруг дома, сарая и полуразвалившейся бани, лихорадочно соображал, что же делать дальше. В бутылке отвара почти не осталось, поэтому Коваль отбросил ставший ненужным предмет, на бегу вытащил из кармана осиновый кол.

Секунды, которую парень потерял, пока возился с карманом, оказалось достаточно. Инесса Геннадьевна настигла его одним прыжком и повалила на землю. Коваля обдало резкой, насыщенной вонью разлагающегося тела – упыриха сегодня не позаботилась о парфюме.

– Отдай, мальчик! – Прошипело создание, вырвало колышек из руки и отбросило подальше.

* * *

Оксана и Виктор давно спали, по традиции выпив пива. В соседней кровати похрапывал Глебушка – Марина отвлечённо подумала, что родители зря отказались удалять брату увеличенные миндалины. Но затем мысли вновь вернулись к Славе и учителю.

Сказать, что Сычкова волновалась – это значит, не сказать ничего. Она сидела за компьютером, бессмысленно уставившись на десктоп. Ложиться спать даже не собиралась, пока не позвонит Слава.

Бред в её жизнь пришёл совершенно неожиданно. Девушка всегда отличалась трезвым рассудком и насмешливым отношением ко всему мистическому. Но за последнюю неделю пришлось поменять взгляды.

Страх за себя давно прошёл благодаря классному руководителю и другу-родственнику. Сейчас она переживала только за них. Но какая-то первобытная женская уверенность, что мужчины могут справиться с любой проблемой, немного успокаивала.

И, как оказалось, зря.

«Да-да, сиди, расслабляйся. Жди. Осталось недолго, всего несколько минут. Следующие – ты и твои мерзкие родственнички!»

Марину словно обдало ледяной водой. Сначала пришло удивление – как упыриха смогла залезть в голову, если на шее, в ушах и на пальцах серебряные украшения. Потом – почему голос упырихи – это не голос Крокодиловны, а чей-то другой, знакомый, но непонятно, чей именно.

И только спустя миг до девушки дошёл смысл сказанного.

Выскочила из комнаты. Пронеслась мимо спящих родителей, не думая о том, что может разбудить. Сени. В темноте сунула ноги в первые попавшиеся резиновые сапоги, схватила что-то тёплое с крючка у двери – мамина телогрейка. Двор. Трясущимися руками не сразу открыла щеколду на калитке.

Сапоги шлёпали и норовили соскочить с ног, значит, папины. Не обращая внимания на такую мелочь, девушка бежала по деревне. Сердце билось где-то на уровне челюсти.

Вот и нужная калитка. Рядом стояла машина. Звуки возни, стон были слышны из-за забора. Марину захлестнул ужас: «Только бы успеть!»

Не думая о последствиях, Сычкова рывком открыла гнилую дверь. Перед ней развернулась страшная картина – у сарая без движения лежал Максим Андреевич, а в паре метров от него барахтался Вячеслав, прижатый к земле той, что являлась к девушке и во сне, и наяву.

Марина, не издав ни звука, подлетела к упырихе, прыгнула ей на спину и вцепилась в волосы. Крокодиловна зашипела и попыталась спихнуть помеху, но Марина не сдавалась. Славка воспользовался этим и двинул кулаком твари в нос. Крокодиловна не ожидала такого поворота и на долю секунды замешкалась. Этого оказалось достаточно, чтобы парень смог спихнуть её с себя и откатиться.

Теперь вокруг построек носились трое, как яркая иллюстрация к поговорке про погоню за двумя зайцами. Но, видимо, зелье успело испариться, потому что Крокодиловна стала двигаться быстрее, в отличие от ребят, которые уже смертельно устали. Когда упырихе удалось подпрыгнуть и взлететь на несколько метров, раздался нечеловеческий торжествующий рёв. Марина от неожиданности споткнулась и растянулась рядом со слабо шевелящимся учителем.

– Маня! Берегись! – Коваль, забыв о себе, понёсся наперерез чудовищу, уже видя, что не успевает.

Она схватила девчонку за воротник телогрейки, подняла, как котёнка, и трянула. Марина завизжала и задрыгала ногами, пытаясь попасть по упырихе. А та резко повернула голову, глянула красными глазами на Славу, и его словно огромным тараном отшвырнуло назад. Парень сознание не потерял, только возмущённо охнули рёбра при падении, да тело на несколько секунд забыло, что нужно дышать.

Неизвестно, каким был бы итог всего этого, но в тот самый момент, когда Крокодиловна отвлеклась на школьника, Макс, который пару секунд назад пришёл в себя и не сразу вспомнил, где находится, извернулся и ударил нежить осиновым колом. Туда, куда смог достать – прямо над голенищем сапога, под колено.

Кольшек вошёл совсем неглубоко, сантиметра на два, но упыриха беззвучно рухнула. Осиновый кол чуть не выпал из раны, но Максим вовремя перехватил орудие и вогнал его глубже.

Дервяшка в плоть входить не желала, Бондаренко встал на колени и двумя руками стал вкручивать кол в тело вампира. Что-то хрустнуло, и орудие резко прошло ногу насквозь. Крови не было. На острие лишь поблёскивала какая-то мерзкая бурая слизь.

Марина села на пожухлую траву и истерически захохотала. К ней, шатаясь, подошёл Коваль, наклонился и со всей дури залепил пощёчину.

Девчонка ахнула, схватилась за щёку и ошарашено уставилась на Славу. В глазах появился проблеск разума.

– Максим Андреич, круто, что вы живы! Как вы её, а? – Славка со злостью пнул неподвижно лежащую тварь.

– Слава, не надо. Ни к чему нужное насилие. Она сейчас, по идее, всё видит и всё слышит. Просто парализована. Ну, мне так кажется.

Бондаренко со стоном поднялся. Голова нещадно болела, каждый вдох отдавался резкой болью.

«Ребро сломал, наверное». Вслух же учитель сказал совсем другое:

– Несите, ребята, верёвку. Мы так нашумели – как бы соседи милицию не вызвали. Будем действовать по плану.

Глава 15

Глаза больше не светились красным – только где-то в глубине зрачков остались алые сполохи. Нежить была мягкой, податливой, безумно холодной. Связали неумело, но крепко. Сычкова дрожавшими руками обыскала пленницу, нашла в карманах билет на самолёт до Москвы, документы на имя какой-то двадцатипятилетней Ирины Корбут и странное кольцо густо-фиолетового цвета.

Перстень был таким горячим, что Марина не удержала его в руке и уронила в траву.

– Не надо никаких цапок здесь оставлять. Ещё найдёт кто-нибудь. – С этими словами Слава поднял украшение и сунул в карман.

– Тебе не горячо? – Сычкова удивлённо посмотрела на кузена.

Тот пожал плечами.

– Нет, кольцо как кольцо. Холодное.

– Как думаешь, почему оно светится?

– В смысле? – Слава достал перстень и стал вертеть его перед глазами.

– Да ты же сам видишь – как будто сердце бьётся.

Парень пожал плечами и опять спрятал колечко.

– Какое сердце, не трюнди. Обычная бесцветная стекляшка.

– Ребята, хватит. Помогите лучше. – Максим, пыхтя, тащил парализованное тело.

Марина открыла калитку и выглянула. Людей на улице не было, вот только в доме напротив грохотала музыка и горел свет.

– Осторожно, Вакулины опять гудят.

– Так это хорошо, значит, никто из соседей наши крики не слышал! – Слава дёрнул дверцу багажника. Та с лёгким щелчком поддалась. Задумчиво глядя на чемоданы и дорожные сумки, парень добавил: – Девушка собиралась валить.

– Так, перетаскивай всё в салон. – Макс опустил упыриху на землю, облокотился на капот и попытался отдышаться, не обращая внимания на боли в груди. – Вячеслав, помоги.

– Да без вопросов, Андреич! – Коваль легко подхватил нежить и безо всяких сантиментов, грубо, словно мешок с картошкой, запихнул в багажник.

– Садитесь. – Учитель сел на водительское сиденье и завёл мотор. До осинової роши по полям ехать было всего ничего.

* * *

На берегу реки ветер совсем распоясался – раскачивал деревья, гнал по чёрной воде волны. В небе вновь появились тучи.

Машина мягко прошуршала шинами и остановилась рядом с рощей. Слава выскочил из салона и в первую очередь проверил пленницу. Та лежала всё так же неподвижно, тараща глаза.

– Слава, держи. Будешь чертить. – Бондаренко протянул обычный кухонный нож и схему, нарисованную на листочке в клеточку.

Схему нашла Марина. Ольга Васильевна, воодушевлённая «интересом» школьницы к мифологии родного края, прислала ей ещё кое-какие наработки. Девочка просмотрела письмо по диагонали – ей совершенно не хотелось забивать голову всякими сверхъестественными тварями, учитывая, что все они могли оказаться существующими на самом деле.

Но вот рисунок, подписанный как «Полесский защитный круг», привлёк внимание. В скобочках объяснялось, что предки использовали его для защиты от всякого лиха. Если нечисть оказывалась в круге, то она не могла выйти. Если внутри круга находился человек, то, соответственно, тварь не могла в него зайти.

Марине очень хотелось пообщаться с Инессой Геннадьевной. Но только тогда, когда и она, и друзья будут в безопасности. А как это устроить, если нужно убрать осиновый кол? С парализованной особо не поговоришь. «Полесская защита» – хороший выход.

Бондаренко поначалу был категорически против такого риска. Но девушка оказалась настойчива – она объяснила, что не сможет спокойно жить, не узнав, почему такое произошло именно с ней. К психологу с подобной проблемой не пойдёшь – так и у психиатра можно оказаться, а вот выяснить у виновницы как, зачем и почему – стоит. После фразы «психологическая травма на всю жизнь» преподаватель сдался.

Нашли хорошее место – четыре молодые осинки росли совсем недалеко друг от друга, между ними располагалась достаточно ровная площадка. Трава здесь практически отсутствовала, поэтому чертить было удобно. Макс развернул машину так, чтобы фары освещали нужное место, вытащил упыриху из багажника и уложил на землю между осинами. Слава стал рисовать круг, поминутно сверяясь с чертежом. Рисунок был двойной – снаружи просто кольцо, а внутри что-то, здорово напоминавшее орнаменты на старых рушниках.

В итоге Инесса Геннадьевна оказалась в самом центре. Слава придирчиво рассматривал свою работу. Марина достала из машины канистру бензина, подошла и стала рядом.

– Ну, готовы? – Макс сосредоточенно рассматривал пленницу. Ребята кивнули. Моментом прониклись все.

– Если что вдруг... В общем, я это... Мамке передайте, что Петя её мудака, пусть не смеет замуж за него выходить.

– Спокойно, Вячеслав. Сам ей завтра скажешь. – С этими словами Максим наклонился и резко выдернул осиновый кол.

Упыриха взметнулась над землёй и прыгнула на учителя. Вернее, попыталась – круг держал крепко. Марина ахнула и схватила Славу за руку.

– Отпустите, и я убью вас быстро. – Существо больше не притворялось живым, и голос потерял человеческие эмоции.

Марина сделала шаг вперёд и звонко выкрикнула вопрос:

– Почему ты мучила меня?

Тварь не ответила, только оскалилась и вновь попыталась прорваться сквозь круг.

– Отвечай. – Максим направил на Крокодиловну бутылку с зельем.

– Кто вас надоумил? Я же вижу, что вы даже не знаете, что делаете. – Упыриха вдруг села на корточки и попыталась дотронуться до внутреннего узора, но с тихим шипением отдернула руку. Глаза потухли, из них ушла ярость. Создание как-то обречённо посмотрело на друзей.

– Отвечай на вопрос.

– Что ты хочешь услышать, личинка? Какие-нибудь откровения? Все вы – просто пища для высших существ. Для меня и для того, что наблюдает за нами, тоже.

Все стали оглядываться, но в роще никого больше не было.

– Ты про Бога, что ли? – Слава продолжил вертеть головой.

Тварь мелко-мелко и противно захихикала. А потом вдруг завывала, вскочила, стала биться о невидимую преграду и кричать, глядя почему-то в сторону:

– Отпусти, отпусти! Буду вечно тебе служить! Не убивай!

Друзья ошарашено разглядывали пленницу.

– Кому это она?

– Тебе, наверное, Мань. Или Максиму Андреичу – он же её поймал.

Крокодиловна зашипела, завизжала, стала носиться по своей невидимой клетке. Над кругом стали появляться белые сполохи. Три зрителя заворожено наблюдали за метаниями, забыв, зачем здесь собрались. Представление закончилось неожиданно – упыриха остановилась, с ненавистью посмотрела на Марину и сказала:

– Не нужно было тянуть. Надо было сожрать тебя ещё пару недель назад. – После этих слов тварь открыла рот и высунула язык.

На глазах язык стал вытягиваться, твердеть и заостряться. Уже через несколько секунд из рта существа торчало что-то, напоминавшее гигантское острое жало.

Марина не выдержала такого зрелища, плеснула бензином на существо, чиркнула спичкой и бросила её вслед. Спичка потухла в полёте. Девочка дрожащими руками попыталась зажечь новую, но лишь уронила коробок и всё рассыпала.

Макс словно очнулся. Стараясь не смотреть в глаза нежити, мужчина достал из кармана зажигалку и подошёл поближе.

Тело, которое было давным-давно мертво, вспыхнуло, словно сухая ветка. Через минуту всё было кончено. Кучка золы – вот всё, что осталось от страшного существа. Ветер подхватил и закружил пепел.

Марина всхлипнула и рухнула на колени. Потом закрыла лицо руками и заплакала.

– Марина, не плачь, теперь всё будет хорошо. – Учитель сел рядом, обнял девушку за плечи. Та заплакала ещё сильнее.

– Не, Максим Андреич, пусть поплачет. Мать говорит, со слезами вся боль выходит.

Слава покинул рошу, прошёлся по пляжу, остановился у воды. Пошарил трясущимися руками в карманах, достал вампирский перстень и бросил его как можно дальше в реку. Тот пошёл на дно.

* * *

В машине никто не произнёс ни слова. Первой высадили Сычкову. Слава довёл её до двери дома, убедился, что всё хорошо, вернулся и плюхнулся на переднее сиденье.

– Куда теперь?

– Ты домой, а я избавлюсь от машины.

– Угу. – Слава замолчал. Когда автомобиль остановился возле его калитки, парень повернулся к учителю:

– Максим Андреич! Вы ээ бэст. Спасибо за Маню, и вообще...

– Топай. – Макса отпустило. Искренняя благодарность парня дала понять, что он всё сделал правильно.

– Ага. Ну, до понедельника?

– Иди уже.

Машину Макс загнал на городскую окраину. Оставил ключи в зажигании, будучи уверенным, что уже к вечеру следующего дня «Тойоту» разберут на запчасти, а вещи из чемоданов растащат маргиналы. Решил, что сегодня можно шикануть, вызвал такси и с ветерком доехал до дома.

Перед сном хотел снять серебряную цепочку, но передумал. В голове долго крутились события нынешней ночи. С мыслью, что больше никогда не решится на подобное приключение, биолог заснул.

* * *

Она шла к этому несколько десятков лет. Пришлось помучиться, но итог оказался просто блестящим. Стараясь дышать глубже, чтобы унять старое сердце, остановилась у круга.

Он был идеален. Руны, начертанные рукой мальчика, ярко горели, а внутри зияла дыра. Обычный человек не увидел бы ничего необычного – земля как земля. Но на самом деле здесь Сила хлестала так, что старуха не удержалась и зачерпнула как можно больше.

Это было ошибкой – дряблое тело чуть не погибло от нагрузки. Женщина торопливо выплеснула всё назад. Не стоит спешить. Надо завершить ритуал.

Много лет она собирала ингредиенты. Хвост оборотня, зубы лешего, цветы папоротника были самыми доступными. Долгие годы наблюдала, интриговала, выискивала, сводила линии чужих судеб в нужную лишь ей точку. Последний рывок, убийство нежити в нужном месте нужным способом, казался недостижимым. Но всё получилось.

Проход, который сами того не зная, открыли детишки, был временным и нестабильным. Но, если всё сделать правильно, на его месте появится маленький постоянный прокол. И она наконец-то получит то, о чём так долго мечтала.

Осталось всего ничего. Старуха развязала полиэтиленовый пакетик, подошла к зияющей дыре и высыпала содержимое. Чёрное отверстие захлопнулось, словно какая-то чудовищная пасть. Послышались чавкающие звуки.

Несколько долгих минут ничего не происходило. Женщина вдруг подумала, что где-то ошиблась, и паника стала заполнять душу. Но земля завибрировала, и «пасть» снова открылась. Теперь энергия, проникающая в наш мир, была чистая, ровная, правильная. Её сдерживало наружное кольцо, нарисованное парнем. Женщина собиралась его укрепить, усилить, чтобы кому-нибудь другому не досталось ни капли.

Старуха удовлетворённо вздохнула. Не терпелось закончить, но что значат несколько дней по сравнению с десятилетиями ожидания. Оставалось привести сюда девчонку.

Глава 16

Хронический мелкий дождь, плюсовая температура и унылое серое небо из ноября нагло переползли в декабрь. Впрочем, подобное наблюдалось не первый год. Зимы стали на редкость мягкими, снег выпадал редко и лежал недолго. Многие находили прелесть в такой погоде – не надо запасаться шубами и толстыми шарфами.

«Как хорошо, когда тепло!» – писали на форумах любители европейской зимы.

«Зима должна быть зимней. Грязь не может заменить снег», – возражали поклонники морозов.

«Мы разоримся на отоплении! Низкая температура ударит по кошелькам!» – подключались к спору люди с экономической жилкой, а знатоки плодородия угрюмо заявляли: «Озимые пострадают. На полях должен лежать снег. Да и от садовых деревьев после такой зимы не стоит ждать урожай».

Васёк понятия не имел, что творится на форумах. И в интернете не бывал. Честно говоря, у него даже компьютера не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.